

ИУДА ИСКАРИОТЪ АПОСТОЛЪ- ПРЕДАТЕЛЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (историческая)

Въ дни Страстной Седмицы въ златотканности ея пѣсеннаго покрыва тревожить глазъ одна нить, въ небесныя ея гармоніи врѣзается мучительный диссонансъ, то — образъ апостола-предателя. Имъ мы какъ бы заболѣваемъ въ страстные дни. И церковь не щадитъ нашей впечатлительности, она такъ много мѣста и вниманія отводитъ Іудѣ, что онъ является однимъ изъ самыхъ центральныхъ образовъ въ страстной мистеріи, какъ будто заслоняя собою другихъ апостоловъ въ своемъ противостояніи Христу. Іуда, «рабъ и льстецъ», въ избраженіи церковной поэзіи есть просто сребролюбецъ, за деньги *продавшій* своего Учителя¹⁾.

1) Начиная съ повечерія великаго вторника и до утрени великаго пятка сребролюбію и предательству Іуды отводится видное мѣсто въ службахъ Страстной Седмицы. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ множества мѣстъ, посвященныхъ Іудѣ.

«Іуда беззаконный, омочивый на вечери руку въ солилъ съ тобою, Господи, простре ко беззаконнымъ руцѣмъ пріяти сребренники, и мѣра исчисливый цѣну, Тебѣ безцѣннаго не убояся продати: нозѣ прострый къ умовенію, Владыку облобыза лъстивно во еже предати беззаконнымъ: лика же апостольскаго отвергся и тридесять сребренниковъ повергъ твоего тридневнаго воскресенія не вѣдѣ, имже помилуй насъ». (Вел. четв. ст. хвал.) «Іуда, рабъ и льстецъ, ученикъ и навѣтникъ, другъ и діаволъ отъ дѣлъ явися: слѣдоваше бо Учителю, и на Него умысль преданіе, глаголаше въ себѣ: предамъ и приобращу собранныя пѣнѣзи. Искаше же

Такой стилизаціей Іуды, каковы бы ни были ея церковно-педагогическіе мотивы, диссонансъ лишь еще болѣе обостряется. Іуда своимъ присутвіемъ около Христа вноситъ въ исторію страстей Христовыхъ непонятность, безсвязность. И умъ, и сердце одинаково изнемогають отъ этого противорѣчія. Есть разнаго значенія противорѣчія и непонятности. Религія исполнена священной тайны, ибо она есть откровеніе премірнаго Бога. Священныя антиноніи, въ богопознаніи даютъ крылья мысли и исполняютъ сердце радостнымъ трепетомъ, онѣ сладостны въ ихъ премірности, и въ нихъ нѣтъ разлагающаго душу противорѣчія. Послѣднее существуетъ лишь въ предѣлахъ нашей человѣческой, жизни, въ границахъ нашей, человѣческой, мысли, въ нѣдрахъ нашего, человеческого, сердца. И такое именно разлагающее и отравляющее противорѣчіе содержитъ въ себѣ исторія Іуды,

и муро продану быти, и Иисуса лестію яти: даде цѣлованіе, предаде Христа» (тамъ же) «Днесъ Іуда сокрываетъ личину нищелюбія и открываетъ лихоимства зракъ: уже о нищихъ не печется, уже не муро грѣшницы продаетъ, не небесное муро, и отъ него усвоеть сребренники. Течеть ко іудеомъ, глаголетъ беззаконнымъ: что ми хотите дати, и азъ вамъ предамъ его? О, сребролюбія предателя, малоцѣнно творить продаваніе, къ воли купующихъ продаемаго цѣну творить. Не скупъ является къ цѣнѣ, но яко раба бѣжавшаго продаетъ: обычай бо крадущимъ метати драгоцѣнная. Нынѣ поверже святая псомъ ученикъ бѣснованіе бо сребролюбія неистовствовати на своего владыку сотвори его. Его же искушенія бѣжимъ . . . » (тамъ же). «Нравъ твой лъсти исполненъ есть, беззаконный Іудо: недугуя бо сребролюбіемъ, приобрѣлъ еси челоувѣконенавидѣніе. Аще бо богатство любилъ еси, почто ко учащему о нищетѣ пришелъ еси? аще же и любилъ еси, вскую предаль еси безцѣннаго, предавъ на убіеніе?» (тамъ же). «Никто же яко Іуда лъство да не приступитъ ко трапезѣ: той бо, укрухъ пріемъ, на хлѣбъ подвижесе, образомъ убо сый ученикъ, вещь же сый убійца, со іудеи убо веселяся, со апостолы же водворяяся: ненавида лобызавше, лобызая же продаваше искупившаго насъ отъ клятвы» (тамъ же). «Лобзаніе твое лъстивно, и цѣлованіе горько: кому бо зовещи, лестче, глаголя: радуйся, равви? Христомъ бо Іудѣ отвѣщаеши: друже, твори, на неже пришелъ еси: аще бо цѣловати пришелъ еси, что предлагаеши ножъ медомъ помазанный» (Канонъ поученія вел. четв. п. 9, тр. 2). Эта стилизація Іуды, конечно, должна быть по своему принята во вниманіе, но она, очевидно, не достаточна въ своей явной моралистической и эзотерической односторонности при богословскомъ разсмотрѣніи вопроса объ Іудѣ.

и только привычка въ союзѣ съ равнодушіемъ, притупляетъ въ насъ его ѣдкую остроту. Однако, есть ли достойный исходъ для христіанина — спастись привычкой, располагающей, видѣть въ Іудѣ лишь мрачную фигуру предателя, черную тѣнь рядомъ съ свѣтлымъ образомъ Учителя? Но развѣ же не ясно, что эта черная тѣнь ложится, какъ тяжелое недоумѣніе, на все теченіе евангельскихъ событій? Среди апостольскаго лика грязный сребролюбецъ, на тайной вечери-предатель, за малыя деньги продающій Учителя, но при этомъ, призванный къ апостольству, почтенный избраніемъ превыше всякаго избранія! Если мы видимъ въ какомъ либо историческомъ дѣятелѣ непроницательность, неумѣніе избрать себѣ сотрудниковъ, такое отсутствіе духовнаго чутья, что онъ можетъ допустить въ ближайшее свое окруженіе въ качествѣ интимнаго сотрудника грязнаго сребролюбца и предателя, то какъ будемъ судить мы объ этомъ? Какъ мы судимъ о духовныхъ вождахъ, которые не умѣютъ отличить святошу, лицемѣра, прельщеннаго, отъ святого и духовноснаго угодника Божьяго? Не является ли такая ихъ слѣпота свидѣтельствомъ ихъ духовной ограниченности? А между тѣмъ это же бессознательно переносится на Христа всѣми тѣми, кто видитъ въ апостолѣ-предателѣ только «раба и льстеца». Это есть прямая хула на Христа, думать и говорить, что Онъ могъ просто ошибиться, избирая въ апостолы вора-сребролюбца и на Тайную вечерю допуская низкаго и лукаваго предателя. Онъ, сердецвѣдецъ, призывая апостоловъ, читалъ въ ихъ душѣ, какъ въ открытой книгѣ, Онъ вѣдалъ всю ихъ жизнь въ прошломъ и настоящемъ («видѣлъ Наѳанаила подъ смоковницей»), давая имъ новыя имена на основаніи этого вѣдѣнія. Послѣ всенощной молитвы Отцу Онъ избралъ и призвалъ двѣнадцать для наученія и пропо-

вѣданія тайнъ Царствія Божія. Онъ, — не только какъ прозорливый мудрецъ, но и какъ Богъ, — вѣдалъ тайны сердца человѣческаго лучше и полнѣе, нежели сами человѣки. Потому надо прежде всего помнить, что Иуда есть Христовъ апостоль, хотя и апостоль-предатель. Мало того. Упрощеніе въ пониманіи Иуды есть въ извѣстномъ смыслѣ приговоръ надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ. Было на землѣ единственное, высшее, святое явленіе человѣка, Назаретскій Учитель, Богъ и Человѣкъ, въ Божественной и человѣческой мудрости избравшій и призвавшій къ себѣ двѣнадцать, духовный цвѣтъ человѣчества, его любовь къ Нему. И среди этихъ двѣнадцати, въ отвѣтъ на это призваніе, притаилось предательство, проползла грязная низость. Въ этихъ двѣнадцати явила себя вся человѣческая немощь: и честолюбіе съ властолюбіемъ, и оставленіе Учителя страха ради Іудейска, и самоувѣренная похвальба и отреченіе, — было все, что вытекало изъ немощи, но во всемъ этомъ еще не было низости. Но оказалась и низость, ибо что же можетъ быть болѣе низкаго, какъ эта продажа Учителя на растерзаніе за гроши? Что вообще можно придумать болѣе безчеловѣчнаго и тупого? Если таково человѣчество въ апостольствѣ своемъ, если лучшаго нельзя было выбрать даже во Израилѣ и во всемъ мірѣ, то чего заслуживаетъ такое человѣчество? Поэтому такъ недостаточна здѣсь упрощающая стилизація, которая есть лишь попытка укрыться отъ вопроса, съ превращеніемъ трагедіи апостола въ будничныи доносъ закупленнаго «сотрудника» архіерейскаго застѣнка. Мы стоимъ здѣсь не только передъ человѣческимъ паденіемъ, но и предъ тайной, тайной Христа и Иуды. Эта тайна — страшна, но и спасительна, ибо въ ней открываются пути Божіи и пути человѣческіе, глубины Божіи и глубины творенія. Трудно, тяжело и, м. б., не-

благодарно приближаться къ тайнѣ Іуды, легче и спокойнѣе ея не замѣчать, прикрывая ея розами красоты церковной и заглушая ея сладостными звуками страстныхъ напѣвовъ. Но уже нельзя, однажды увидавъ ея и заблѣвъ ею, отъ нея укрыться, дабы не уподобиться друзьямъ Іова, которымъ брошено было отъ него слово упрека: «такъ и вы теперь ничто: увидѣли страшное и испугались» (Іовъ 6.21.). Отъ этой тайны нельзя отвернуться уже потому, что она включена въ само Евангеліе. Она же включена и во всю чело-вѣческую исторію . . .

КТО ОНЪ ?

Въ небѣ зажглась багровая звѣзда: она то вспыхиваетъ мучительнымъ пламенемъ, то словно погасаетъ темнѣя, печальная, зловѣщая, неспокойная. Она стала насупротивъ звѣзды Виолеемской. Одновременно съ звѣздой Царя Іудейскаго загорается эта странная и печальная звѣзда, въ одномъ созвѣздіи съ другими одиннадцатью звѣздами. Одновременно со Христомъ на землѣ рождается Іуда.

Кто онъ? Что можемъ мы узнать о немъ изъ Евангелій? Евангелія всегда скупы на подробности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, при этой скупости они даютъ богатое содержаніе въ немногихъ чертахъ, проведенныхъ рѣзцомъ боговдохновеннаго мастера. Относительно Іуды (какъ, впрочемъ, и многихъ другихъ апостоловъ) они осбенно скупы. Только исторія предательства освѣщена въ нихъ яркимъ свѣтомъ, насколько она вплетается въ исторію страстей Христовыхъ, вся же предыдущая жизнь Іуды въ апостольствѣ почти не излагается. Этимъ занялась легенда и на востокѣ и на западѣ, которая разукрасила разными непривлекательными подробностями всю жизнь Іуды, начиная съ самаго дѣтства. При этомъ ему приписана и судьба Эдипа,

убійство отца и бракъ съ матерью¹⁾). Религіознаго значенія эти изображенія Іуды въ сбразѣ чудовища не имѣютъ, уже потому, что кощунственно противорѣчатъ основному евангельскому факту — избранію его во апостола. Тѣмъ не менѣе при внимательномъ чтеніи и сопоставленіи данныхъ Евангелія можно установить многое существенное для уразумѣнія и его сблика и его судьбы²⁾ Имя Іуды³⁾ является распространеннымъ въ новозавѣтную эпоху, причемъ «почти половина Іудѣя являются дѣятелями съ характеромъ религіознымъ, національнымъ, политическимъ», почему можно думать, что имя, данное Іудѣ, указываетъ на особое религіозно-политическое воодушевленіе его семьи» И самый родъ его принадлежалъ къ колѣну Іудину (гор. Каріотъ), такъ что онъ былъ сородичемъ по колѣну Іудину самому Христу, сыну Давидову, скимну изъ колѣна Іудова. «Въ средѣ двѣнадцати апостоловъ одинъ только онъ былъ іудеянинъ, изъ колѣна Іудова». Столь же распространеннымъ было и его второе имя Симонъ (Іо. 6—71), имя его отца или отчество. Среди двѣнадцати апостоловъ, повидимому, было еще три носителя имени Іуды Симона⁴⁾, (не считая

1) Русская богословская литература имѣетъ превосходное и, можно сказать, исчерпывающее экзегетическое изслѣдованіе проф. М. Д. Муретова Іуда предатель (Бог. В. 1906, 7-8, 1907). Въ части экзегетической мы пользуемся выводами этого изслѣдованія, которымъ въ правѣ гордиться русская богословская наука.

2) Ср. проф. Муретовъ, цит. соч. Б. В. 1906, 7-8: Имя Іуды первый получилъ четвертый сынъ Іакова отъ Ліи, родоначальникъ царственного колѣна Іудова со столицей Іерусалимъ. До Ездры и Неемии это имя не встрѣчается, но по возвращеніи изъ плѣна оно становится однимъ изъ самыхъ распространенныхъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ (перечень ихъ на стр. 541-2).

3) Именованія апостоловъ въ Евангеліяхъ не вполне устойчивы и ясны. «Добрая часть до историческаго зерна можно, кажется, при предположеніи, что среди апостоловъ было три Іуды съ именемъ Симона: Іуда Симонъ Іаковлевъ (братъ Іакова Алфѣева) по прозванію Леввей-Θαδδεις, Симонъ Іуда по прозванію Кананить или Зилотъ и Іуда Симонъ, по прозванію Искаріотъ (Муретовъ. ib 558).

4) Ibid 547-8.

Симона Петра). Такимъ образомъ, имя Іуды, будучи совершенно сбъчнымъ, уже выдаетъ въ то же время извѣстную національно-политическую ревность его носителя, личную и фамилную; вмѣстѣ съ тѣмъ оно является въ достаточной мѣрѣ апостольскимъ. Прозвище И с к а р і о т ь или С к а р і о т ь 1) указываетъ на его происхождение изъ г. Каріотъ: что изъ Каріота, мужъ каріотянинъ. Какъ прозвище, по смыслу его можно толковать: «человѣкъ городовъ, Stadtemann (Keil) горожанинъ градскій человѣкъ», 2) въ отличіе отъ другихъ апостоловъ, галилейскихъ рыбаей и поселянъ. (Отсюда можно сближать Іуду съ Каиномъ, какъ строителемъ городовъ: Быт. 4, 17). «Вѣроятнѣе всего, прозваніе Искаріота, какъ подсобныя же названія другихъ апостоловъ (Киѳа — Петръ, Воанергесъ, Леввей—Ѳаддей, Канаанитъ-Зилотъ) возникло въ средѣ апостоловъ и здѣсь впервые дано было Іудѣ».3) Впрочемъ, фонетически возможны и инія, смысловыя, толкованія4) имени Искаріотъ, указующія на фанатическій тяжелый, сомолюбивый характеръ его носителя.

Какъ горожанинъ, съ «пролетарской» психологіей, Іуда является чужакомъ среди простодушныхъ дѣтей природы, несущихъ въ своихъ душахъ лазурь Галилейскаго озера, красу галилейскихъ цвѣтовъ и мерцаніе звѣзднаго неба. Въ немъ рано прѣбуждена мысль, работающая упорно и однодумно, мечта граничащая съ на-

1) Ів. 547.

2) Ів. 548.

3) Ів. 549

4) «Фонетика произношенія допускаетъ и отъ кагі, получатся: «мужъ вражды, противленія, фанатикъ, самолюбу». Въ такомъ случаѣ возможенъ намекъ на различіе въ характерѣ двухъ Іудъ, составлявшихъ одну шестую пару апостоловъ, такъ какъ другой Іуда прозывается «Леввей или Ѳаддей отъ lev сердце и hed грудь, т. е. сердечный, душевный, милый, душа-человѣкъ» (548). Ср. молчаливое сопоставленіе двухъ Іудъ у Іо. 14. 22: «Іуда, не Искаріотъ, говоритъ Ему».

вязчивой идеей, о царствѣ Израиля, которое и есть въ глазахъ ревнителѣй (Зилотовъ) царство Божіе, начинаемое мессіей здѣсь на землѣ. Его душа горитъ мессіанской ревностью и болитъ національной скорбью. Онъ знаетъ также силу и власть денегъ. Зрѣлище народной нищеты и угнетенія дѣлаютъ его революціонеромъ, можетъ быть, толкаютъ его на путь политическаго террора, но вмѣстѣ и «экономическимъ матеріалистомъ» въ его мессіанскомъ социализмѣ. А въ темной глубинѣ души копошится змѣя честолюбія и сребролюбія, низкая *augī sacra fames*. Онъ умѣетъ распорядиться деньгами, почему ему и была поручена скудная, конечно, касса апостольской сѣщины. Деньги соблазняютъ его и въ этомъ смыслѣ онъ — «воръ», сребролюбецъ. Но прежде всего, онъ іудейскій мессіанистъ, какъ многіе вокругъ его, революціонеръ, мессіанскій марксистъ, «большевикъ». Городъ лишилъ его поэзіи души, но онъ пробудилъ въ немъ острую протестующую мысль. Однако, онъ страдаетъ именно отъ своего ума, которымъ не можетъ утишиться его сердце, ждущее и жаждущее любви, и онъ изнемогаетъ въ этомъ противорѣчій. Ему нѣтъ друга въ апостольствѣ, хотя всѣ двѣнадцать апостоловъ раздѣлены на двоицы, такъ что свою пару получаетъ и онъ¹⁾. Но, кромѣ этой апостольской двоицы, есть для него въ апостольствѣ и личная двоица, хотя и отрицательная, какъ полярная антитеза духовнаго облика: это Іоаннь, возлюбленный ученикъ. Въ четвертомъ Евангеліи мы все время ощущаемъ и эту полярность, и это молчаливое противопоставленіе. Оно выражается даже и въ томъ особомъ отънѣкѣ

1) Изъ этихъ пяти о двухъ, Іаковѣ и Іудѣ, братьевъ Алфеевыхъ, говорится далѣе, что они, можетъ быть, какъ «братья» — двоюродные - Іисуса «не вѣрили въ Господа»: Іо. 7. 5. ср. Мѣ. 12. 46-50 Мр. 3. 31-35 и Лк. 8. 19-21, Ѳома же кромѣ его слова о Лазарѣ (Іо. 11. 16) извѣстенъ своимъ маловѣріемъ въ воскресеніе (Іо. 20. 24)

непримиримости, который присущъ изобразенію Іуды въ Іоанновомъ Евангеліи.

Іуда Искаріотъ принадлежитъ къ пяти апостоламъ (Тوما Близначъ, Іаковъ Алфеевъ, вѣроятно, братъ его Іуда Леввей-Θаддей и Іуда Симонъ Кананитъ и Зилотъ), о коихъ до перечисленія ихъ въ списокъ двѣнадцати, ничего не сообщается въ Евангеліяхъ¹⁾ Самое послѣднее мѣсто въ этомъ списокѣ занимаетъ Іуда Искаріотъ, очевидно въ виду его предательства и устраненія изъ апостольской среды, какъ и указываютъ выразительно евангелисты: *ὁ καὶ παρέδωκεν αὐτόν.* Мѡ. 10,4; *ὃς καὶ παρέδωκεν αὐτόν.* Мк. 3, 19, *ὃς καὶ ἐγενετο ὁ προδοτής.* Лк. 6, 16. У Іоанна вообще нѣтъ апостольскаго списка. Въ перечнѣ апостоловъ замѣчается явное намѣреніе называть ихъ попарно, вѣроятно, какъ посылались они Христомъ на проповѣдь, причемъ пары опредѣляются: а) родствомъ, родные братья: Петръ и Андрей, Іаковъ и Іоаннъ Заведеевы, Іаковъ и Іуда Леввей-Θаддей Алфеевы; б) какими-либо особыми отношеніями до слѣдованія за Христомъ и послѣ: Филиппъ и Наѡанаиль-Варѡоломей (не совсѣмъ ясны отношенія Тумы и Матѡея). У Мѡ. и Мр. въ парѣ съ Іудой Искаріотомъ стоитъ Симонъ Кананей или Хананей, но у Луки и въ Д. Ап. пару Іуды Искаріота составляетъ Іуда Іаковлевъ (такая же двойственность и во внѣканоническихъ спискахъ апостоловъ) «По всему надо думать, что дѣйствительная пара Іуды указана именно у Мѡ. и Мр., — Симонъ Кананитъ или Зилотъ, ибо Іудѣ Іаковлеву, брату Іакова Алфеева, всего естественнѣе имѣть парю своего брата Іакова, какъ Петръ и Андрей, и также Іаковъ и Іоаннъ — родные братья апостольствовали вмѣстѣ»^{1.)} О возрастѣ Іуды никакихъ прямыхъ свѣдѣній нѣтъ.

¹⁾ Муретовъ Ів. 550.

Остается думать, что онъ, подобно большинству апостоловъ, приблизительно былъ сверстникомъ Христа.

ИУДА-АПОСТОЛЪ.

Хотя лично объ Иудѣ въ исторіи апостольскаго призванія и ничего не говорится, однако, уже то, что говорится о всемъ апостольскомъ лицѣ, относится и къ нему. Господь окруженъ учениками еще ранѣ избранія двѣнадцати, но это избраніе явилось торжественнымъ актомъ исполненнымъ значительности и силы.¹⁾ Это избраніе было самоличнымъ дѣломъ самого Господа: «не Меня вы избрали, Я васъ избралъ и поставилъ» (Іо. 15. 6), согласно волѣ Отца: «Ты Мнѣ далъ ихъ» (17. 9, 12). О самомъ избраніи говорится у Мр: «взошелъ на гору и позвалъ къ Себѣ, к о г о с а м ь х о т ѣ л ь οὐς ἐδεδεν αὐτός. и пришли къ нему, и поставилъ (изъ нихъ) двѣнадцать, чтобы съ Нимъ были и чтобы посылать ихъ на проповѣдь и чтобы они имѣли власть исцѣлять отъ болѣзней и изгонять бѣсовъ» (Мр. 3. 13-15) (И далѣе слѣдуетъ перечень призванныхъ апостоловъ, кончающійся Иудой Искаріотомъ). Этому избранію, въ виду особенной важности этого акта, предшествовала ночная молитва Господа: «въ тѣ дни взошелъ Онъ на гору помолиться, и пробылъ всю ночь въ молитвѣ къ Богу. Когда

1) По Евангелію отъ Маттея ранѣ апостоловъ появляются ученики (5. 1), а этому предшествуетъ еще призваніе двухъ первыхъ паръ: Андрея и Петра и Іакова и Іоанна (4. 18-22). Ученики окружаютъ Его и слѣдуютъ за нимъ въ лодкѣ при укрощеніи бури (Мѡ. 8. 18-25 — Мр. 4. 35-41 — Лк. 8. 22-25), также и въ 9 главѣ (призваніе мытаря). Призваніе апостоловъ рассказывается лишь въ главѣ 10. Въ Евангеліи отъ Марка мы имѣемъ также сначала призваніе двухъ двоицъ (1. 16-20) и затѣмъ выборъ 12 апостоловъ изъ учениковъ (3. 7. 16-19). Наконецъ, у Луки мы находимъ сначала также избраніе двухъ двоицъ (Лк. 5. 1-11), мытаря Левія (5. 27-28), сначала говорится вообще объ ученикахъ (6. 1) и затѣмъ о призваніи двѣнадцати (6. 12-16).

же насталь день, призвалъ учениковъ Своихъ и избралъ изъ нихъ двѣнадцать, которыхъ и наименовалъ апостолами». (Лк., 12-13) Это избраніе, его высшая цѣлесообразность, есть тайна смотрѣнія Божія. Между этими избранными изъ числа учениковъ, удостоенныхъ званія апостоловъ и включенныхъ въ священное число двѣнадцати¹⁾, былъ и Іуда. Разумѣется, это избраніе апостоловъ изъ среды уже извѣстныхъ учениковъ предполагаетъ и личное отношеніе, и личную встрѣчу, и призваніе. Относительно отдѣльныхъ апостоловъ это и повѣствуется въ Евангеліяхъ: такъ особо были призваны двоица Андрея и Петра, Іакова и Іоанна (Мѡ. 4. 18-22. Мр. 1. 16-20, Лк. 5.110), Матеія (Левія Алѡеова) мытаря (Мѡ. 9. 9, Мр. 2. 14, Лк. 5. 27-28), далѣе Филиппа и Наѡанаила (Іо. 1. 43-50), причемъ это избраніе сопровождалось иногда и переименованіемъ (Симонъ-Петръ, Іаковъ и Іоаннъ-сыны Громы). Относительно же Іуды ничего не сообщается, но это умолчаніе о немъ, какъ еще о пяти апостолахъ, не можетъ, конечно, означать, чтобы и они призывались безъ такого интимнаго, личнаго взаимообщенія и проникновенія Сердцевѣдца въ души ихъ (какъ это относительно Іуды прямо свидѣтельствуется у Іоанна). Это избраніе предполагало, прежде всего, взаимную личную любовь: нелюбимый и нелюбящій апостоль есть *contradictio in adjecto* (и если мы какъ будто и наталкиваемся на него въ Евангеліи Іоанна, то это здѣсь имѣетъ особый смыслъ, ниже подлежащій разъясненію). Эта любовь полагаетъ основаніе особому довѣрію и личной дружбѣ съ Господомъ (10. 15. 14-15), и даже

1) Ср. мой очеркъ «Петръ и Іоаннъ, два первоапостола». Paris. 1906. Эта двѣнадцатерица апостоловъ представляетъ собой столь веруемое единство, что послѣ отпаденія Іуды она восполняется новымъ избраніемъ двѣнадцатаго апостола — Матеія (Д. Ап. 1. 16-26)

въ часъ предательства Іуда слышитъ къ себѣ обращеніе: другъ (*ἑταῖρος*). Господь избиралъ апостоловъ именно такими, какими они были, со всѣми ихъ личными качествами и предрасположеніями, ибо, какъ говорится въ Евангеліи Іоанна, онъ не имѣлъ нужды, чтобы кто свидѣтельствовалъ о человѣкѣ, ибо самъ зналъ, что въ человѣкѣ (10. 2. 25). И этой безошибочности избранія, конечно, соотвѣтствуетъ то, что въ каждомъ изъ апостоловъ имѣлись его личныя черты, оправдывавшія это избраніе и, такъ сказать, обосновавшія его апостольство. Мы должны принять какъ аксіому Божественнаго сердцевѣдѣнія, что всѣ апостолы, при всѣхъ своихъ человѣческихъ слабостяхъ и ограниченности, были достойны своего избранія, и не составлялъ, конечно, исключенія и Іуда, съ его личными свойствами. (Этому не противорѣчитъ и Іо. 6. 64, 70, о чемъ ниже). Болѣе того, именно эти личныя свойства каждаго изъ апостоловъ нужны были для человѣческой плеромы апостольства, для полноты двѣнадцатерицы. Мы не всегда можемъ установить эти черты, въ частности и относительно Іуды. Конечно, то не была его городская практичность, умѣніе обращаться съ деньгами, благодаря которому въ концѣ служенія ему было поручено распоряженіе «ковчежцемъ» (сначала это, повидимому вѣдалъ ап. Филиппъ: Іо. 6. 5-7). Его общій духовный укладъ націоналиста-ревнителя, горѣвшаго энтузіазмомъ земнаго царства мессіи въ извѣстной мѣрѣ раздѣлялся и всѣми апостолами въ теченіе всей земной жизни Господа, какъ и даже по Воскресеніи, непосредственно предъ Вознесеніемъ: спрашиваютъ они не въ сіе ли время, Господи, Ты возстановляешь царство Израилю?» (Д. Ап. 1. 6). Но въ немъ онъ былъ особенно рѣзко выраженъ: среди другихъ апостоловъ, мирныхъ поселянъ и рыбарей, имѣвшихъ среди себя лишь

одного бывшего мытаря, онъ являлся горожаниномъ-революционеромъ по преимуществу. И, можетъ быть, то послѣднее мѣсто, которое онъ занимаетъ въ спискѣ апостольскомъ, несомнѣнно въ связи съ его предательствомъ, и первоначально выдѣляло его, какъ особливаго и тоже перваго, хотя и съ конца. Во всякомъ случаѣ изъ общаго отношенія всѣхъ апостоловъ ко Христу вытекало, что вся двѣнадцатерица составляла тѣсный дружескій союзъ, жила единою общею жизнью, — *сi даѣка*. Хотя и въ предѣлахъ ея были оттѣнки въ различной близости ко Христу (Петръ и Иоаннъ, Іаковъ и Андрей), но ко всей ней нераздѣльно говорится Господомъ: «вамъ дано вѣдать тайны Царствія Божія, а тѣмъ внѣшнимъ все бываетъ въ притчахъ». (Мр. 4. 11). Всѣмъ имъ одинаково дается апостольскія власть: «и призвавъ двѣнадцать учениковъ Своихъ, Онъ далъ имъ власть надъ нечистыми духами, чтобы изгонять ихъ и врачевать всякую болѣзнь и немощь». (Мѡ. 10.1, Лк. 9. 1). Всѣ они посылаются на проповѣдь, напутствуемые поученіемъ, (Мѡ. 10), въ которомъ содержится какъ бы сокращеніе всего Евангелія: «Се Азь посылаю васъ какъ овецъ среди волковъ: итакъ, будьте мудры, какъ змии, и просты, какъ голуби» (Мф. 10 16), «и волосы у васъ на головѣ всѣ сочтены» (10, 30). Апостоламъ заповѣдуется: «на путь къ язычникамъ не ходите и въ городъ Самарянскій не входите, а идите наипаче къ погнѣшимъ овцамъ Израилевымъ. Ходя же проповѣдуйте, что приблизилось Царствіе Божіе. Больныхъ изцѣляйте, прескаженныхъ очищайте, мертвыхъ воскрешайте, бѣсовъ изгоняйте» (10, 6-8), и «не успѣете обойти городовъ Израилевыхъ, какъ придетъ Сынъ Человѣческій» (10. 25) (что на языкѣ тогдашней апокалиптики, исходившей отъ видѣній прор. Даніила, означило наступленіе месіанскаго царства). Правда, здѣсь же говорится

и о гоненіяхъ, и о преданіи на смерть, но какъ должно было звучать въ сердцахъ учениковъ, и въ частности Іуды, это посланничество къ Израилю и это сбѣтованіе близкаго царства, и какъ много имъ оставалось еще пережить до того дня, когда они имѣли услышать приговоръ надъ избраннымъ народомъ: «Се оставляется вамъ домъ вашъ пусть» (Мѡ. 23. 38). Но теперь «они пошли и проходили по селеніямъ, благовѣствуя и исцѣляя повсюду» (Лк. 9. 6.), «изгоняли многихъ бѣсовъ и многихъ больныхъ мазали масломъ и исцѣляли». (Мр. 6. 13.). Этимъ начинается жизнь двѣнадцати со Христомъ, причемъ въ евангельскомъ изображеніи эта двѣнадцатерица составляетъ духовную единицу, въ своей совокупности общающуюся со Христомъ: «проходилъ Онъ по градамъ и весямъ, проповѣдуя и благовѣствуя Царствіе Божіе и съ Нимъ двѣнадцать» *οἱ δώδεκα σὺν αὐτῷ*. (Лк. 8. 1). Они являются свидѣтелями Его чудесъ и проповѣди, они исповѣдуютъ устами Петра вѣру въ Него, какъ во Христа, Сына Бога живаго, на пути въ Кесарію Филиппову (Мѡ. 16), и имъ начинаетъ Господь все настойчивѣй и опредѣленнѣй возвѣщать о предстоящемъ страданіи и крестной смерти (Мѡ. 16. 21, 20. 17: отозвалъ двѣнадцать учениковъ Своихъ однихъ *τοὺς δώδεκα κατ' ἰδίαν*. Мр. 10. 32, Лк. 9. 43-45). Имъ всѣмъ безъ всякаго ограниченія дано обѣтованіе въ отвѣтъ на вопрошаніе Петра, что будетъ намъ, «оставившихъ все и послѣдовавшимъ за Христомъ: «истинно говорю вамъ, что вы, послѣдовавшие за Мною, въ пакибытіи, когда сядетъ Сынъ Человѣческой на престолѣ славы Своей сядете и вы, на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ» (Мѡ. 19. 27-29, у Лк. 22. 36 уже на Тайной вечери). Даже, когда колебалось это единство двѣнадцати, какъ напр., когда Іаковъ и Іоаннъ сыновья Зеведеовы (Мр.

10. 35-40), вмѣстѣ съ матерью своею Мѡ. 20.20), просили у Учителя для себя первыхъ мѣсть въ царствѣ Его, тѣмъ нарушая союзъ любви, остальные десять *οἱ δέκα*. (Мр. 10. 41, Мѡ. 20.24), стало быть, и Иуда, вознегодовали противъ двухъ братьевъ. Но эти мимоходящiе раздоры устраняются, и единство двѣнадцати снова пребываетъ нерушимымъ. Таковымъ оно является на пути въ Иерусалимъ (Мр. 10. 32), при торжественномъ входѣ Господнемъ когда «все множество *ἅπαν τὸ πλῆθος* учениковъ начало радостно велегласно славить Бога за всѣ чудеса, какiя видѣли они» (Лк. 19. 37). Послѣ сего Иисусъ «выходитъ въ Вифанiю съ двѣнадцатiю» (Мр. 11. 11). Они созерцаютъ проклятiе смоковницы (Мѡ. 121. 20) и внемлютъ послѣднимъ рѣчамъ Господа (Мѡ. 23. 1), завершающимъ разрывъ съ иудейскимъ народомъ, присутствуютъ съ Нимъ на горѣ Елеонской, слышатъ Его послѣднюю вѣсть о предстоящемъ Ему пропятiи въ эту Пасху (Мѡ. 26. 2) и, наконецъ, присутствуютъ на вечери въ домѣ Симона прокаженнаго. Заслуживаетъ вниманiя, что относительно его апостольства нѣтъ въ Евангелiяхъ никакихъ свѣдѣнiй объ его искушенiяхъ, каковыя имѣются о самыхъ главныхъ апостолахъ, какъ о Петрѣ, Иаковѣ и Иоаннѣ. Можно сказать, что на протяженiи всего Евангелiя у трехъ синоптиковъ не только отсутствуютъ указанiя на какiя-либо черты, отличающiя Иуду отъ другихъ апостоловъ и выдѣляющiя его изъ единства двѣнадцатерицы, напротивъ, мы имѣемъ здѣсь положительное свидѣтельство о равноапостольности *Иуды*, который входилъ въ ликъ апостольскiй органически, раздѣляя его общую жизнь около своего Учителя. И это положительное, хотя и молчаливое, свидѣтельство Евангелiя въ высшей степени важно и для пониманiя природы его предательства.

И, однако, наряду съ этимъ показаніемъ синоптиковъ, мы имѣемъ прямое свидѣтельство вангелія отъ Іоанна, въ которомъ, на первый взглядъ, содержится какъ будто совершенно противоположное освѣщеніе событій. По Іоанну, можно думать, что Іуда всегда былъ змѣемъ-предателемъ въ апостольствѣ и никогда не входилъ по настоящему въ его ликъ. Эта мысль предѣльно сгущается въ словахъ Господа, сказанныхъ Имъ — что особенно поразительно — тоже двѣнадцати: «не двѣнадцать-ли (οὐς δώδεκα) васъ Я избралъ? но одинъ изъ васъ діаволь. (Это говорилъ Онъ объ Іудѣ Симонѣ Искаріотѣ, ибо сей имѣлъ ἐμελλενъ предать Его, будучи одинъ изъ двѣнадцати)» (Іо. 6. 70-71), и при этомъ евангелистъ еще отъ себя прибавляетъ: «ибо Іисусъ изначала зналъ . . . кто предастъ Его» (6. 64. ср. 2. 24-25; 13. 18). Можно ли совмѣстить синоптиковъ и Іоанна и не приходится ли жертвовать однимъ въ пользу другого, какъ это обычно дѣлается? Отвѣчаемъ со всей определенностью: можно и должно совмѣстить оба эти свидѣтельства, какъ существенно необходимыя и между собою связанныя. Надо всегда имѣть въ виду относительно Евангелія Іоанна, что он о п р е д п о л а г а е т ъ наличие разсказа синоптиковъ и не отмѣняетъ свидѣтельства ихъ, но его восполняетъ, чаще всего исторію богословіемъ. (Такъ, напримѣръ, исторію рождества Христова у Мѡ. и Лк. богословски восполняетъ прологъ Евангелія отъ Іоанна). Подобно и здѣсь: исторію апостольства Іуды, изложенную у синоптиковъ, оно восполняетъ богословскимъ ученіемъ объ его паденіи. Оба свидѣтельства, исторіи и богословія, синоптиковъ и Іоанна, даются въ двухъ разныхъ плоскостяхъ: во времени и въ вѣчности, но онѣ могутъ быть и совмѣщены. Попытка такого совмѣщенія будетъ дана во второй, богословской,

части настоящего очерка, теперь же снова возвратимся къ исторіи апостольства Іуды.

Итакъ, на основаніи свидѣтельства всѣхъ синоптиковъ Іуда былъ настоящимъ апостоломъ изъ лика двѣнадцати, который проходилъ свое апостольское служеніе около Господа, внималъ Его ученію, зрѣлъ Его чудеса и чрезъ то возрасталъ духовно вмѣстѣ со всѣми апостолами, видя то, что «многіе пророки и цари желали видѣть и не видѣли» (Лк. 10, 24). И въ этомъ избранникѣ Христовомъ ничто не являло будущаго предателя, ни самъ онъ не могъ вѣдать своей судьбы. Ее вѣдало лишь Божественное всевѣдѣніе, какъ о томъ и засвидѣтельствовано въ Евангеліи Іоанна.

Поэтому нельзя видѣть въ Іудѣ только предателя, который, какъ хищный волкъ или злобный змѣй, вкрался въ среду агнцевъ, нося свой злобный умыселъ. Онъ *сталъ* предателемъ въ концѣ своего апостольства, но *не б ы л ь* имъ отъ начала. Каковъ же былъ путь, который апостола привелъ къ предательству? Евангеліе хранить о немъ полное молчаніе, позволяя его только угадывать, и такое же молчаніе хранить церковь, экзотерически прикрывая сребролюбіемъ всю дѣйствительную бездну предательства. Намъ оставляется здѣсь лишь интуиція и психологическій домыселъ.

Двѣнадцать проходили свое апостольское служеніе соборно, какъ союзъ любви, причемъ этимъ не подавлялась индивидуальность отдѣльныхъ апостоловъ, каждый изъ нихъ жилъ и развивался, слѣдуя своему собственному индивидуальному пути, и мы можемъ различать эти индивидуальности: и Петра, и возлюбленнаго ученика Іоанна, и Фомы, и Наѳанаила. Совершенно особое мѣсто въ апостольскомъ ликѣ занимаетъ Іуда.

Іуда, когда былъ призванъ, видимо, былъ умственно старше и зрѣлѣе другихъ апостоловъ. Онъ имѣлъ уже собственное революціонно-мессі-

анское міросозерцаніе и, можетъ быть, свою собственную политическую («революціонную») работу. Ему была чужда непосредственность и нетронутость дѣтей природы, галлилейскихъ рыбаковъ, и онъ отличался также и отъ Матѳіа — Левія, мытаря, который ради мзды совершалъ измѣну своему народу. Если всѣ апостолы «оставили все» ради слѣдованія за Христомъ, то для рыбака это были сѣти, для Матѳіа его денежный столъ, а для Іуды — его идеи и вытекавшее изъ нихъ дѣло. Сердце Іуды не было свободно при его призваніи, онъ долженъ былъ совершить актъ духовнаго самоотреченія, чтобы пойти за Христомъ, а, можетъ быть, онъ и пошелъ за Нимъ въ томъ убѣжденіи, что въ Немъ найдетъ высшее исполненіе своихъ же собственныхъ идеаловъ, воспринявъ Его по собственному своему образу.

Іуда не былъ честолюбцемъ, скорѣе онъ былъ человѣкомъ идеи, готовый къ жертвамъ ради нея. Такъ и теперь онъ обрекалъ себя на добровольную нищету, странствованіе съ Нимъ, лишая себя всѣхъ возможностей обогащенія. А онъ не чуждъ былъ искушеній богатства, этой наслѣдственной слабости, которую онъ зналъ и презиралъ въ себѣ, которая иногда черной змѣей лежала у его сердца. Но теперь онъ почувствовалъ себя свободнымъ и отъ нея. Повидимому, Іуда всегда былъ трудень и мраченъ, — тяжкодумъ и тяжелый характеръ, угрюмый, нелюдимый и неласковый: это только съ Нимъ и ради Него онъ могъ выйти изъ своего одиночества и войти въ «двѣнадцать», жить съ ними, ходя за Нимъ. Порою онъ изнемогалъ подъ тяжестью рефлектирующаго ума, который все провѣряетъ и разлагаетъ, съ особенной остротой зрѣнія на смѣшное, глупое, уродливое. И, по противоположности, его больше всего плѣняла непосредственность и ясность, ласковость и прозрачность, какія онъ видѣлъ въ Іоаннѣ. Но это

былъ для него недосыгаемый даръ. Онъ только еще болѣе отгѣнялъ его собственную мрачность. Но и отъ нея онъ освобождался около Него, онъ чувствовалъ себя тогда какъ всѣ, какъ одинъ изъ двѣнадцати. Онъ не зналъ любви: повидимому, не имѣлъ ни семьи, ни дружбы, его сердце оставалось нераскрытымъ. Но оно жаждало любви и пламенѣло отъ этой жажды. И вотъ оно раскрылось. Онъ встрѣтилъ Его и былъ позванъ Имъ идти за Нимъ, и онъ пошелъ послушный, какъ овечка, потому что великая любовь вошла въ его сердце. Онъ любимъ, и отнынѣ оно полно, это тоскующее сердце. Но и любовь такова же, какъ онъ самъ: тяжелая, ревнивая и ревнующая. Ревность есть огонь любви, и нѣтъ любви безъ ревности: «крѣпка, какъ смерть любовь, люта, какъ преисподняя ревность (II. П. 8, 6) Іуда любилъ ревнивою любовью, заполнявшею всѣ его мысли и чувства и сковывавшей его духовную свободу. Эта любовь требовала отъ него непрестанныхъ жертвъ, потому что онъ всегда долженъ былъ ее раздѣлять съ двѣнадцатью, не говоря о другихъ внѣшнихъ, притекавшихъ отовсюду, хотя то и не были друзья, какъ эти (или какъ Марфа и Марія съ братомъ своимъ Лазаремъ). Невольно онъ сравнивалъ Его отношеніе къ себѣ и къ нимъ, и порою тяжелое чувство, близкое къ зависти, давило его душу. Но онъ умѣлъ владѣть собой и не показывалъ своего подполья. Ему чужда оставалась и невыдержанность Петра, и неумѣстныя притязанія на первенство Іакова и Іоанна. Онъ умѣлъ молчать объ этомъ, но не могъ все время не сравнивать. Онъ былъ послѣднимъ въ апостольскомъ ликѣ, только этимъ и оказался онъ отличенъ и выдѣленъ отъ другихъ апостоловъ, отъ которыхъ онъ все время такъ чувствовалъ свое отличіе. Онъ не былъ позванъ ни въ горницу дщери Іаировой, ни на гору

Фаворскую, ни на гору Елеонскую къ бесѣдѣ о концѣ міра. Правда, онъ никогда не былъ умаленъ въ апостольствѣ своемъ по сравненію съ ними, но никогда не былъ и отличенъ. Вотъ ему, а не Матѳію Левію, мытарю, дали денежный ящикъ, сдѣлали казначеемъ. Конечно, онъ умѣетъ быть отвѣтственнымъ предъ деньгами, онъ знаетъ имъ цѣну и не позволяетъ себѣ сентиментальной расточительности съ забвеніемъ о бѣдныхъ и о насущныхъ нуждахъ общины, но . . . зачѣмъ же ему это искушеніе деньгами здѣсь, около Него, когда онъ самъ такъ ищетъ отъ него освободиться? Вѣдь онъ же «воръ», сребролюбецъ отъ природы, ему лучше быть подальше отъ денегъ, 1) развѣ же Онъ не знаетъ этого? Тяжелымъ облакомъ ложатся на него эти недоумѣнія и эта ревность, которая переходитъ въ зависть, а она темнѣя сгущается порою въ чувство, граничащее съ ненавистью, — больное, неизбывное чувство . . . И онъ видитъ свой собственный негативъ, словно въ зеркалѣ, въ юной душѣ Іоанна, въ которой свѣтится лазурь водъ и небесъ Галилеи. Онъ любитъ кротко, ясно, радостно, безъ ревности, и онъ любимъ Имъ. Іоаннъ и Іуда — это противопоставленіе безъ, словъ вплетено въ повѣствованіе Евангелія отъ Іоанна, въ которомъ — замѣчательная черта — нѣтъ ни одного неукоризненного слова объ Іудѣ. И на Тайной вечери оба образа смотрятся другъ

1) Ср. Толкованіе блаж. Теофилакта, арх. болгарскаго на св. Евангеліе часть IV, Ев. отъ Іоанна. Казань. 1875, стр. 303.

«Если же Іуда былъ любостяжатель и тать, то почему Господь возложилъ на него распоряженіе деньгами? Потому самому, что онъ былъ тать, чтобы отнять отъ него всякое извиненіе. Ибо онъ не могъ сказать, что предалъ Его по любви къ деньгамъ. Денежный ящикъ утѣшалъ его, но и нося ящикъ, онъ не былъ вѣренъ. Ибо онъ уносилъ, то есть кралъ то, что туда опускали, и былъ святотатецъ, присвоивъ себѣ подаяніе на дѣло святое». — Можно ли удовлетвориться подобнымъ объясненіемъ? — Но, дѣйствительно, назначеніе Іуды, «вора», казначеемъ таитъ въ себѣ какое-то не вполне раскрытое смотрѣніе Божіе.

въ друга: одинъ возлежащій на персяхъ Учителя, другой — предающій Его . . . 1)

Но развѣ для себя одного, для своего лишь утѣшенія хочетъ Іуда этой личной любви къ себѣ, чтобы и самому стать возлюбленнымъ ученикомъ? Нѣтъ, онъ ревнуетъ и о Немъ самомъ, объ Учителѣ. Любовь ревнующая стремится, чтобы любимый раскрылъ себя, явилъ себя въ истинѣ, силѣ и славѣ своей. Любовь ревнующая хочетъ осуществить здѣсь то, что начертано въ небесахъ. Однако, это лишь въ томъ случаѣ, если любовь ревнующая воистину зритъ этотъ первообразъ. А если нѣтъ? Если она свою собственную грезу принимаетъ за эту истину и по ней хочетъ мѣрить любимаго? Если она хочетъ извратить его по своему собственному образу, совершая насиліе надъ его свободой, надъ самимъ его существомъ? Тогда любовь ревнующая превращается въ деспотическое насиліе, которое или разрушаетъ свой объектъ, или само должно упраздниться. Но что будетъ, если мѣриломъ для совершеннаго Человѣка служить мѣстный ограниченный идеалъ національнаго мессіанизма, по которому Іуда мѣрилъ своего Учителя? Онъ возлюбилъ въ Немъ не только Его самого, но связалъ эту любовь съ своей призрачной мечтой, которая тѣмъ больше заслоняла отъ него Учителя, чѣмъ распаленнѣе становилась его ревность о Немъ. Онъ любилъ въ Немъ будущаго мессію, который откроетъ царство Израилю. Въ личную любовь къ Нему онъ вложилъ и весь свой національный фанатизмъ, свой идеалъ, для котораго онъ жилъ. Онъ видѣлъ Его въ свѣтѣ этого идеала, этихъ революціонно-апокалиптическихъ устремленій и въ такомъ

1) Заслуживаетъ вниманія, что Леонардо де Винчи на Тайной вечери помѣщаетъ Іуду непосредственно рядомъ съ Іоанномъ среди апостоловъ. Думается, что это не только вытекаетъ изъ соображеній художественной композиціи, но соотвѣтствуетъ и религіозной интуиціи.

лишь смыслъ принималъ дѣло Его. Онъ не понималъ своего Учителя, но при этомъ не только не сознавалъ своего непониманія, но искренно хотѣлъ измѣнить Его путь, исправить Его мысли и дѣйствія. Правда, въ этомъ отношеніи Иуда, можетъ быть, и не такъ отличался отъ другихъ апостоловъ, которые, по свидѣтельству Евангелія, Христа также не понимали, желая видѣть въ Немъ мессіанскаго царя. Поэтому естественно, что, когда они слышали Его слово о предстоящихъ страданіяхъ и крестной смерти послѣ Преображенія, то лишь «весьма опечалились» (Мф. 17, 23), ибо «они не разумѣли этихъ словъ, а спросить боялись» (Мр. 9. 12. Лк. 9, 45). Непосредственной реакціей ихъ на это слово оказалось лишь помышленіе: «кто бы изъ нихъ былъ больше?» (Лк. 9, 46), съ просьбой Іакова и Іоанна, сыновей Заведеевыхъ, сѣсть по правую и лѣвую сторону «въ славѣ Твоей» (Мр. 10., 35-37, «въ Царствѣ Твоемъ» Мө. 20, 21). Также и Петръ, послѣ своего исповѣданія на пути въ Кесарію, когда Христосъ сталъ открывать ученикамъ о своихъ страданіяхъ, «сталъ прекословить Ему: будь милостивъ къ Себѣ, Господи, да не будетъ этого съ Тобою» (Мө. 16. 21-22), проявивъ при этомъ такую степень противленія, что заслужилъ отъ Господа именованіе «сатана». Труднѣе всего и медленнѣе всего преодолѣвались въ ученикахъ именно мессіанскія представленія, такъ что и предъ самымъ Вознесеніемъ еще звучатъ ихъ отголоски (Д. Ап. 1.6.). Однако у апостоловъ послѣ находящихъ искушеній наступала дѣтская покорность и безотчетное довѣріе своему Учителю. Но не таковъ былъ Иуда, онъ одинаково не былъ способенъ какъ къ безотчетной вѣрѣ, какъ и къ пассивному непониманію. Его ревность толкала его къ дѣйствию, напрягала его волю, мучительно искала выхода. Онъ былъ насильникъ и не умѣлъ склонять свою волю.

Такъ шли дни около Него. И сколько радости и удовлетворенія въ любви своей получалъ ученикъ отъ своего Учителя, слыша слова Его а еще болѣе видя дѣла Его. Въ нихъ онъ прозрѣвалъ знаменіе силы для созданія мессіанскаго царства и для воцаренія въ немъ. Развѣ этотъ Чудотворецъ не умножаетъ хлѣбы и не насыщаетъ тысячи по одному Своему слову? Развѣ Онъ не исцѣляетъ больныхъ и не воскрешаетъ мертвыхъ? Развѣ Онъ не можетъ нужную Ему монету указать въ только что пойманной рыбѣ? Развѣ Онъ не являетъ Свою царственную силу царскимъ входомъ въ Иерусалимъ? Все, что видитъ Иуда, распаляетъ его мысль и заставляетъ искать большаго. Онъ хочетъ Его видѣть на престолѣ Израилевомъ, открывающимъ царство Своему народу, утоляющимъ всякую скорбь и изцѣляющему всякій недугъ и всякую болѣзнь въ людяхъ, а затѣмъ и міровымъ владыкой. Кажется, всѣ есть для этого возможности, но нѣтъ воли, нѣтъ рѣшимости, почему-то Онъ медлитъ. И даже больше того: изъ устъ Его раздаются эти слова о предстоящемъ страданіи и смерти и, стало быть, вѣрной неудачѣ Его дѣла. Иуда молча переживаетъ это, не прекослова Ему, какъ Петръ, но отъ этого онъ не менѣе противится въ душѣ своей этимъ расслабляющимъ мыслямъ, потому что онъ не понимаетъ этого, а онъ не можетъ принять того, чего онъ непонимаетъ. Между нимъ и Учителемъ воздвигается стѣна непониманія, которое для него становится все мучительнѣй. И вдругъ его охватываетъ какой-то холодный восторгъ. Словно нѣкое вдохновеніе вошло въ его истерзанную душу вмѣстѣ съ мыслью: это онъ, Иуда, призванъ помочь Учителю, совершить съ Нимъ и чрезъ Него Его дѣло. Это его любви ждетъ Учитель и ее искушаетъ Своимъ бездѣйствіемъ и этою какъ бы обреченностью. Иуда знаетъ, что дѣлать: онъ явитъ любовь свою

цѣною собственной души, ибо больше сей любви никто не имѣеть, какъ если предасть душу свою. Это Онъ самъ сказалъ. Онъ возьметъ на себя этотъ страшный духовный рискъ, ибо нѣтъ творчества безъ риска. Онъ заставитъ Его стать самимъ Собой, хотя бы цѣною предательства, онъ поставитъ Его въ безысходное положеніе, изъ котораго Онъ можетъ выйти, только явивъ Себя царемъ. И Онъ Самъ ожидаетъ для этого жертвенной помощи своего друга Іуды. Въ душѣ Іуды поднялась сатанинская буря: все его человѣческое естество возставало противъ предательства, направленного на того, Кого онъ любилъ больше себя, больше своей жизни, больше своей души. Но то его идея, его призваніе и его избраніе: онъ долженъ спасти Друга, выведя Его изъ бездѣйствія. И въ холодномъ восторгѣ нашедшаго вдохновенія продолжалъ открываться предъ нимъ путь его подвига. Іуда чувствовалъ себя во власти этого мчавшагося потока спорящихъ между собою мыслей и чувствъ. Да, это будетъ актъ дружбы, а не предательства. Развѣ можетъ быть на самомъ дѣлѣ преданъ Тотъ, Кто имѣеть власть надъ жизнью и смертью? Развѣ Его можно удержать человѣческой силой? И Іуда вспоминалъ тѣ многочисленные случаи, когда враги Іисуса пришедши не могли Его взять, а Онъ, проходя черезъ нихъ, удалялся: вѣдь это случилось еще въ самомъ началѣ служенія Его въ Назаретѣ (Лк. 4. 28-30), когда Его хотѣли свергнуть съ горы. Это было послѣ чудеснаго насыщенія народа, когда хотѣли схватить и сдѣлать Его царемъ (Іо. 7. 30), у сокровищницы (8. 20), въ храмѣ, когда «взяли каменя, чтобы бросить въ Него, но Іисусъ скрылся и вышелъ изъ Храма, прошелъ посреди нихъ» (Іо. 8. 59), и еще разъ послѣ словъ о Себѣ и Отцѣ (Іо. 39), и, наконецъ, уже по воскрешеніи Лазаря и послѣ явленія эллиновъ, «Іисусъ отошелъ и

скрылся отъ нихъ» (12, 36) И развѣ не можетъ Онъ въ свою защиту вызвать легионъ ангеловъ (Мѡ. 26. 53)? Иуда, при этомъ уже не замѣчалъ, что самъ онъ хочетъ совершить насиліе надъ Учителемъ, вдохновляемый какою-то ему невѣдомой силой. Это духовный вихрь разрываетъ его существо, и тогда онъ невольно ищетъ покоя около Него: Его видѣть, Его слышать, Ему поклоняться, Его любить. А между тѣмъ атмосфера все сгущается, событія приближаются. Какимъ торжествомъ явилось это воскресеніе четверодневнаго мертвеца! А еще большимъ торжествомъ былъ Его царственный входъ во святой градъ! Какъ онъ любилъ Его тогда, какъ вопіялъ онъ: осанна! Ему показалось на одно мгновеніе, что его мечта, его идея наканунѣ осуществленія: Его Учитель, его Другъ, принялъ, наконецъ, власть, воцарился въ Иерусалимѣ. Но къ вечеру того же дня Онъ оставилъ Иерусалимъ съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующіе дни рѣчами своими довершить свой разрывъ съ законными вождями того народа, во главѣ котораго Онъ долженъ былъ бы стать. Мечта, приблизившись на мгновеніе, обманула. Каплей, переполнившей чашу, явились впечатлѣнія на вечери въ Вифаніи въ домѣ Симона Прокаженнаго.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ІУДЫ.

Согласно Мѡ. (26.1-13) и Мр. (14. 3-9) эта вечеря происходила за два дня до праздника Пасхи¹⁾ наканунѣ Тайной вечери Христовой (Мѡ.

1) Въ Евангеліи Луки этотъ разсказъ вовсе отсутствуетъ (возмѣщаясь, очевидно, аналогичнымъ разсказомъ о вечери въ домѣ Симона Фарисея: 8. 36-50). Евангелистъ Іоаннъ отступаетъ отъ хронологіи синоптиковъ, помѣщая эту вечерю до входа Господня въ Иерусалимъ за шесть дней до Пасхи (Іо. 12. 1) и отождествляя жену, помазавшую Господа, съ Маріей, сестрой Лазаря, который былъ въ числѣ возлежащихъ, и Марѡа служила. Изъ этихъ двухъ вариантовъ, по заключенію М. Д. Муретова, хронологія синоптиковъ болѣе предпочтительна.

26. 7-13). Приступила къ Нему женщина съ алавастровымъ сосудомъ мвра драгоцѣннаго и, (разбивши сосудъ: Мр. 14, 3), возливала Ему возлежащему на голову. Увидѣвши это, ученики Его вознегодовали и говорили, — у Мр. 14. 4: «нѣкоторые же вознегодовали и говорили», у Ио. 12. 4: «когда Иуда Симонъ Искаріотъ, который хотѣлъ продать Его, сказалъ «къ чему такая трата? Ибо можно было бы продать это мвро за большую цѣну и дать нищимъ. Но Иисусъ уразумѣвъ сіе, сказалъ имъ: что смущаете женщину? она дѣло красоты (ἔργον δὲ καλόν, — красивый, прекрасный поступокъ) сдѣлала для Меня; ибо нищихъ всегда имѣете съ собой, а Меня не всегда имѣете; возложивши мвро сіе на тѣло Мое, она приготовила Меня къ погребенію. Истинно говорю вамъ: гдѣ ни будетъ проповѣдано Евангеліе сіе, въ цѣломъ мірѣ сказано будетъ въ память ея и о томъ, что она сдѣлала». Сердца всего христіанскаго міра источаютъ вмѣстѣ съ этой женщиной мвро любви къ Спасителю, вдохновляясь красотой дѣла ея, но у учениковъ оказались закрыты глаза на красоту и на смыслъ душевнаго движенія этой женщины. Они оставались въ прозаически моралистическомъ недоумѣніи, предъ этой расточительностью и предъ нерасчетливой нецѣлесообразностью этой траты, которая должна была бы быть обращена для нищихъ. Они были даже правы съ своей ограниченной точки зрѣнія, поскольку неспособны были постигать происходящее и зрѣть красоту, — характерный случай столкновенія между моралистическимъ и художественнымъ воспріятіемъ жизни. Смущеніе и вопрошаніе у Мө. приписывается вообще ученикамъ (οἱ μαθηταί), у Мр. — нѣкоторымъ (τινές), у Ио. же Иудѣ, не въ томъ; конечно, смыслъ, чтобы онъ былъ единственный, но онъ явился здѣсь выразителемъ общаго настроенія (причемъ евангелистъ уже при-

бавляетъ, что онъ намѣревался (*μέλλων*) предать Христа, тѣмъ свидѣтельствуя, что трагическій процессъ раздвоенія въ душѣ Іуды начался ранѣе. Евангелистъ Іоаннь, вѣрный своей стилизаціи Іуды, не преминулъ прибавить: «сказалъ же это не потому, чтобы заботился о нищихъ, но потому, что былъ воръ¹⁾, и, имѣя ящикъ (завѣдуя кассою) принималъ взносы (букв.: носилъ туда опускаемое)» (Іо 12.6). Здѣсь отмѣчается общая сухость сердца Іуды, которому мало было доступно чувство личнаго состраданія (какъ и многимъ революціонерамъ), въ соединеніи, однако, съ отвлеченной, безличной работой о «бѣдныхъ» своего рода народничествомъ и принципиальной прямолинейностью въ сужденіяхъ. Притомъ это соединяется еще съ повышеннымъ чувствомъ личной отвѣтственности общиннаго казначея, на обязанности котораго вообще ложилась забота о нищихъ, особенно въ виду приближающагося праздника (какъ это явствуетъ изъ 10. 13. 29: «а какъ у Іуды былъ ящикъ, то нѣкоторые думали, что Іисусъ говоритъ ему: «купи, что намъ нужно къ празднику», или чтобы далъ что-нибудь нищимъ»). А подъ этимъ таилось его природное сребролюбіе, инстинктивная жадность, которая обострялась этой невольной близостью денегъ, хотя, конечно, и небольшихъ. Разумѣется, совершенно невозможно понимать Іо. 11, 6 въ томъ смыслѣ, что Іуда вообще воровалъ и хотѣлъ бы украсть и изъ этой суммы — такое предположеніе слишкомъ не соответствовало бы достоинству апостола, одного изъ двѣнадцати, удостоенному призванія отъ Христа. Напротивъ, мы можемъ сдѣлать выводъ скорѣе объ особой денежной щепетильности, хотя

1) Подлинникъ *κλέπτης*, безъ члена, позволяетъ перевести: воровать, жадень, сребролюбивъ, однако не воръ въ смыслѣ прямого воровства.

и имѣющей въ качествѣ подсознательной основы заглушаемое сребролюбіе.

По согласному свидѣтельству евангелистовъ (Мѡ. Мр.) именно послѣ этой вечери («тогда — τότε Мѡ. 26.14) Іуда принялъ рѣшеніе отправиться къ первосвященникамъ. Что же явилось тѣмъ послѣднимъ впечатлѣніемъ, которое его склонило къ предательству? Конечно, это не было неудовлетворенное сребролюбіе, какъ это можетъ показаться при чтеніи 10. 12. 4-6, внѣ контекста съ синоптиками (такъ это изображаетъ легенда¹⁾), — такое предположеніе дѣлало бы измѣну и предательство эпизодомъ изъ уголовной хроники, мелкимъ мошенничествомъ, а не паденіемъ апостола, въ котораго вошелъ сатана: самому сатанѣ нечего дѣлать съ мелкими ворами, и изъ числа послѣднихъ не избирается апостоль, одинъ изъ 12-ти. Нужно теперь же установить, что денежная плата, 30 сребренниковъ, полученная Іудой, совсѣмъ не играетъ рѣшающей роли въ предательствѣ, является для него акциденціей: не изъ — за денегъ онъ предалъ Христа, хотя и запятналъ себя принятіемъ денегъ. Это явствуетъ, прежде всего, изъ евангельскаго текста: у Іо., хотя онъ и называется воромъ Іуду, даже вовсе отсутствуетъ взятіе имъ денегъ. У евангелиста Луки плата дается самими первосвященниками («они обрадовались и согласились дать ему денегъ» 22.5) тоже и у Марка (14.11). При этомъ не устанавливается сумма, опредѣленіе которой принадлежитъ самимъ первосвященникамъ.²⁾ Только у Мѡ. мы

1) См. С е р г ѣ й С о л о в ѣ е в ъ. Историко-литературные этюды. Къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ. Выпускъ 1. Харьковъ. 1895. Стр. 19 сл.

2) «При одностороннемъ толкованіи, сообщаемыхъ ев. Мѡ. словъ Іуды можно подумать, что на первомъ планѣ у предателя стоятъ деньги: «дадите мнѣ», а потомъ уже: «предамъ Его». Но этому уже не соответствуетъ καὶ ἔστισαν (и они положили ему), т. е. всецѣлая зависимость денежнаго вознагражденія отъ самихъ архіереевъ, и полное безразличіе и пассивность въ отношеніи

имѣемъ уже обобщенный разсказъ съ опредѣленіемъ суммы: «и сказалъ: что вы дадите мнѣ, и я вамъ предаю Его? они предложили ему тридцать сребренниковъ» (26.15). Но эта сумма взятая изъ пророчества Захаріи (11. 12-13), по справедливому предположенію проф. Муретова¹⁾, «имѣетъ символическое значеніе. У пр. Захаріи она называется, какъ ничтожная рабская оцѣнка попеченію Божию со стороны Израиля, и въ новозавѣтномъ примѣненіи она означаетъ уничтоженіе Господа, пріившаго зракъ раба (Фил. 2. 7. сл.). Если же принять эту сумму буквально, то она чрезвычайно ничтожна (по Муретову, при извѣстной дешевизнѣ труда въ Палестинѣ, она составляетъ двухмѣсячную плату чернорабочаго, 21 р. 70 к. довоеннаго времени). Допустить, что ради этой суммы апостолъ предалъ Христа, означало бы ввести абсурдъ въ самую сердцевину Евангелія. Вѣрно лишь то, что Іуда унизился до принятія этихъ денегъ: его духовное смятеніе развязало въ немъ страсть сребролюбія. «Деньги годятся», сказалъ себѣ «воръ» — «экономическій материалистъ», и это попутное событіе, эта акциденція, легла поверхъ всего и прикрыла собой истинную трагедію, дала ей

къ суммѣ со стороны предателя. Ни малѣйшаго съ его стороны намека на торгашество, приращиваніе . . . Кроме того, Мр. и Лк. прямо говорятъ, что цѣль Іуды была «предать его», за что въ видѣ вознагражденія и не безъ злого умысла уже самъ синедрионъ предложилъ дать деньги Іудѣ». (Муретовъ, ц. соч. Бог. В.1907. IX 55). Напротивъ, литургическая стилизація образа Іуды, какъ знаемъ, все сводитъ къ сребролюбію. Также судить и Златоустъ, который вообще подходитъ къ проблемѣ Іуды только моралистически. «О, безуміе, вѣришь же сребролюбію! Все это зло причинило сребролюбіе, корень золь — сребролюбіе, которое омрачаетъ наши души и попираетъ самые законы природы, лишаетъ насъ разума и не допускаетъ помнить ни дружбы, ни родства, ничего другого, но разъ ослѣпивъ наши умныя очи, такъ и заставляетъ блуждать во мракѣ. Чтобы Тебѣ было яснѣе, посмотри, сколько (добраго) изгнала «эта страсть» изъ души Іуды. Бесѣдуя (со Христомъ), жизнь (съ Нимъ), общеніе, чудное ученіе, все это предало збвенію вкрадшееся (въ Іуду) сребролюбіе». (О предательствѣ Іуды, I, Творенія т. 2, 424).

1) *ibid.* 57.

экзотерическій образъ по симптоматикѣ, а не по существу: это и вѣрно въ томъ смыслѣ, что со-
отвѣтствуетъ дѣйствительности, но и невѣрно, по-
тому что выражаетъ только ея поверхность 30
сребренниковъ — это лишь занавѣсъ, за которымъ
происходитъ трагедія титанизма, это — грязная
пѣна на гребнѣ океанической волны.

Итакъ, что же происходило на вечера у Симо-
на Прокаженнаго, что окончательно склонило
Иуду вступить на путь предательства? То, что
здѣсь онъ услышалъ отъ Господа снова слова,
которыя окончательно убили въ немъ ожившую
было послѣ царскаго входа надежду. Это была
воскресшая въ немъ надежда, что Иисусъ явитъ
Себя мессіанскимъ царемъ и откроетъ мессіанское
царство, въ которомъ уже не будетъ ни нищеты,
ни порабощенія. вмѣсто этого Иуда слышитъ:
«нищихъ всегда имѣете съ собою, Меня же не
всегда, она приготовила Меня къ погребенію».
Эти слова прозвучали для него, какъ рѣшитель-
ный отказъ отъ мессіанскаго воцаренія и непонятное для него упорство въ мысли о неизбѣжно-
сти страданія и смерти. Этого Иуда не можетъ
больше выносить, онъ призванъ къ дѣйствию. Ка-
ково же это дѣйствіе? Видимо, это есть тайный
пока переходъ во враждебный лагерь, туда, гдѣ
Иисуса считали врагомъ народа, навлекающимъ
на него новыя опасности отъ римлянъ (Іо. 11.
48), и поэтому положили убить Его (Іо. 11.
53) уже послѣ воскрешенія Лазаря, особенно же
послѣ входа Господня въ Іерусалимъ (Мѡ. 14,
1, Мр. 26. 4, Лк. 22. 1). Убійство Иисуса было
рѣшено и должно было совершиться, какъ это
было указано и самимъ Господомъ: «Сынъ Человѣ-
ческій идетъ, какъ писано о Немъ» (Мр. 14.
21, Мѡ. 26. 24, Лк. 22. 22: «по предназначенію»).
Но оно предполагалось «не въ праздникъ, чтобы
не произошло возмущенія въ народѣ» (Мр. 14.

2, Мѡ. 26. 3), и предложеніе Іуды позволяло совершить это въ первый день Пасхи. Судя по указанію Лк. 22. 6, Іуда выразилъ свое идейное согласіе съ ними: исповѣдалъ (*ἔξωμολόγησεν* слав. исповѣда), изложилъ какое-то credo, которое выразило, конечно, лишь одну сторону его души, его недоумѣній и сомнѣній. Въ чемъ же состояло это искушеніе Іуды, жертвою котораго онъ палъ? Въ Евангеліи отъ Луки, въ видѣ общаго заключенія о существѣ предательства Іуды, которое описывается у другихъ синоптиковъ лишь исторически, сказано, что «вошелъ въ него сатана» (Лк. 22. 3), а въ Евангеліи Іоанна: «дѣволъ вложилъ въ сердце Іудѣ Симонову Искаріоту предать Его» (Іо. 13. 2). Этимъ свидѣтельствуется, во первыхъ, что Іуда сдѣлался орудіемъ самого сатаны. Его внѣшнее положеніе, близость ко Христу, а не его личныя свойства привлекаютъ къ нему сатану, который ранѣе пытался сдѣлать своимъ орудіемъ вѣдь еще и другого апостола, — Петра; «отойди отъ Меня, сатана! Ты Мнѣ соблазнъ». Мѡ. 16. 23. Личныя свойства Іуды, какъ апостола, могли также не соответствовать такому вселенію въ него сатаны, какъ не соответствовали ему и личныя свойства гадаринскаго бѣсноватаго, который, по изгнаніи изъ него насилуовавшаго и мучившаго его легіона бѣсовъ, хотѣлъ быть лишь у ногъ Іисуса (Мр. 5. 18. Лк. 8. 38). Въ этомъ смыслѣ «сынъ погибели» (*ὁ υἱὸς τῆς ἀπολείας* Іо. 17. 12), погибшій апостоль, не сможетъ быть сближаемъ съ «человѣкомъ беззаконія», также «сыномъ погибели» (2. Тесс. 2. 3), «противящимся и превозносящимся выше всего, называемаго Богомъ и святынею, такъ что въ храмѣ Божіемъ онъ сядетъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога» (2. 11), ибо Іуда не антихристъ, въ немъ совершенно нѣтъ противленія святынѣ, какъ и хулы на Духа Святаго, хотя и есть противленіе Христу. Это

противленіе происходитъ на почвѣ его искушенія о Немъ, личнаго и религіознаго. Это—то искушеніе, которое имѣетъ источникъ въ его личности и міровоззрѣніи, и является той дверью, которою вошелъ въ душу его сатана. Ибо Іуда не сталъ бѣсноватымъ отъ вхожденія въ него сатаны, но онъ сдѣлался послушнымъ его орудіемъ, потерявъ способность различать свою собственную мысль отъ сатанинскихъ вдохновеній. Самъ сатана! Черезъ Іуду онъ еще разъ пытается погубить Христа, ему не даетъ покоя Его присутствіе на землѣ, и онъ неотступно слѣдуетъ за Нимъ. Онъ хочетъ снова искусить Новаго Адама, такъ какъ онъ уже искусилъ перваго Адама, обманомъ заставить Его поклониться себѣ, сдѣлать Его своимъ или погубить. Сатана самъ искушалъ Его въ пустынь трижды, тремя идейными искушеніями, которыя только и были достойны Его. Ибо Онъ недоступенъ тѣмъ грѣховнымъ искушеніямъ, предъ которыми подъ воздѣйствіемъ бѣсовскимъ безсильно падаютъ сыны Адама. Но сатана предлагалъ Ему стать царемъ міра сего во благо этого міра: устранить навсегда бѣдность и голодь, взять власть и явить знаменіе чудесъ, плѣнить и тѣло, и душу, и духъ человѣчества. И Христосъ отвергнулъ эти искушенія, ибо Онъ пришелъ творить волю посланшаго Его Отца. Тогда отошелъ отъ Него діаволь до времени — *ἀχρι καιροῦ* (Лк. 4. 13), и этого времени онъ ждалъ, чтобы возобновить свои искушенія, пользуясь всякой возможностью. Но онъ приступаетъ теперь къ Нему, уже не прямо (хотя по неясному церковному преданію онъ и лично приступалъ ко Христу въ Геѳсиманскую ночь), а черезъ вдохновляемыхъ имъ людей. Первая попытка была сдѣлана черезъ старѣйшину апостоловъ, который представлялъ собою весь апостольскій ликъ: позвавъ и исповѣдавъ во Христѣ Сына Божія (то, въ чемъ еще сомнѣ-

вался діаволь въ пустынѣ, вопрошая: «если Ты еси Сынъ Божій»), онъ прекословить Ему относительно Его крестнаго пути, призывая Его, слѣдовательно, на путь, на который звали Его и князь міра сего, и Христось отвѣчаетъ ему тѣми же словами, что и діаволу: *ἄπαυ* (*ἀπίσω μου*) *Σατανᾶ* отойди отъ Меня Ісатана». (Мѳ. 16. 23, —4. 10). Но Петръ лишь мимолетно отдался діаволу искушенію и сдѣлался его орудіемъ. Хотя въ собственномъ сознаніи онъ, какъ и другіе апостолы, находилъ слишкомъ много отзвуковъ для сслазновъ мессіанскаго царства, но подвижность его характера, легкость и быстрота переходовъ отъ одного настроенія къ другому помогли ему освободиться отъ опасныхъ мыслей. Не то было съ Іудой. Онъ не имѣлъ ни удсбоподвижности, ни экспансивной впечатлительности Петра. Онъ былъ одностумъ, которымъ овладѣвала мысль, какъ навязчивая идея, дѣлая его маніакомъ, и это его маніакальное состояніе все сбострялось въ немъ и дѣлало его все болѣе вопріимчивымъ къ діавольскимъ вдохновеніямъ. Чего хотятъ отъ Него, въ сущности, всѣ Его апостолы, хотя робѣя и не рѣшаются настаивать? Чего хочетъ весь народъ, истомленный отъ бѣдности и порабоженія? Чего онъ самъ ждетъ отъ своего мессіи, ссыздавна воспитанный въ вѣрованіяхъ іудейской апокалиптики и о чемъ ревнують ревнители, зилоты, соціальные реформаторы, соціалреволюціонеры, большевики? Они хотятъ дать хлѣбъ народу, освободить его отъ римскаго ига, возстановить престолъ Давидовъ и явить «рай на землѣ», царствіе Божіе, приближеніе котораго Учитель самъ возвѣщалъ. И Онъ можетъ все это сдѣлать. И если Онъ еще этого не дѣлаетъ, то не потому, что не можетъ, но потому, что не хочетъ, по какому-то не постижимому заблужденію, въ которомъ Его н и к т о не понимаетъ, не понимаютъ и апостолы.

Но они подчиняются Ему въ какой-то слѣпотѣ, а онъ, Иуда, не можетъ и не хочетъ этому болѣе подчиняться. Онъ заставитъ Его стать самимъ Собою или. . . уйти изъ жизни, а не поднимать опаснаго волненія въ народѣ. Иуда оказался внемлющимъ внушеніямъ искуссителя, потому что они находили отзвукъ въ его собственной душѣ. Онъ былъ ослѣпляемъ утопией, которая осуществляется насиліемъ надъ человѣкомъ, и даже насиліемъ надъ Сыномъ Божиимъ, если Онъ самъ не хочетъ этого сдѣлать добровольно. До сихъ поръ въ Иудѣ, вмѣстѣ со всѣми апостолами, надъ всѣмъ побѣждала вѣра въ Него и любовь къ Нему. Все Его ученіе и для него было Онъ Самъ, путь и истина и жизнь. Но теперь онъ не можетъ удовлетвориться этой сосредоточенностью на Немъ Самомъ, ему нужно дѣло, ему нужно спасти народъ свой и весь міръ, съ Нимъ и чрезъ Него, но, если нужно, то и вопреки Ему, помимо Него. Если Онъ становится препятствіемъ для міроваго спасенія, Онъ долженъ быть устраненъ. Въ душѣ Иуды зазвучали тѣ сатанинскія навожденія, которыя потомъ въ устахъ еврейскаго народа выражались въ вопляхъ его: если Ты еси Сынъ Божій, сниди со креста, и мы увѣруемъ Тебѣ. Однако, насколько для Иуды ясно было, что Мессія долженъ быть имъ возведенъ изъ состоянія бездѣйствія, настолько же онъ претыкался о вторую возможность,—Его смерти: ея никогда не принимало его сердце, въ которомъ не угасала любовь къ Нему. И его согласіе съ первосвященниками, какъ и «исповѣданіе», было лишь временнымъ, недовыясненнымъ практическимъ соглашеніемъ . . .

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

День-два оставалось до праздника Пасхи отъ соглашенія Иуды съ первосвященниками, послѣ

котораго для него началась эта двойная жизнь — апостола и предателя. Съ одной стороны онъ «съ того времени искалъ удобнаго случая предать Его» (Мѡ. 26. 14, Мр. 14. 11) «не при народѣ» (Лк. 22. 6), и уже ради этого долженъ былъ оставаться въ окруженіи Христа, среди двѣнадцати. Но съ другой стороны, въ немъ еще жило и его апостольство, питавшееся теперь ставшей уже мучительною для него любовью ко Христу¹⁾. Въ омрачившейся его душѣ, къ которой приблизился князь тьмы, бушевала буря, то было адское горѣніе прежде самого ада. Былъ ли онъ еще апостоломъ съ этой тайной своей и съ этимъ проклятыми сребренниками, звенѣвшими въ его ковчезцѣ, или апостольство уже уничтожилось предательствомъ? Дано ли объ этомъ судить человѣку? Но объ этомъ судилъ Сердцевѣдецъ, призавшій его къ апостольскому служенію, а Его судъ былъ таковъ, что Іуда, предающій Его гонителямъ ради слѣпой ревности о Немъ, и въ гоненіи этомъ остается еще апостоломъ. Такъ было и съ гонителемъ Савломъ, который «терзалъ церковь, входя въ дома, и, влача мужчинъ и женщинъ, отдавалъ въ темницу», въ гонительствѣ своемъ являлъ ревность апостольскую, почему и былъ призванъ Сердцевѣдцемъ: «Савль, Савль, что ты гонишь Меня? Я Иисусъ, котораго ты гонишь, трудно тебѣ прать противъ рожна» (Д. Ап. 7. 4-5). Іуда вмѣстѣ

1) Объяснять слѣдованіе Іуды за Христомъ, какъ и присутствіе его на Тайной Вечери только желаніемъ слѣдить за мѣстопробываніемъ Христа, для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе Его предать, нельзя и потому, что это прежде всего не соответствуетъ Евангельскому повѣствованію. По Евангелію отъ Іоанна Іуда удалился съ Тайной Вечери прежде ея окончанія, слѣдовательно, какъ будто и не могъ знать, куда отправится оттуда Иисусъ для провожденія ночи. Съ другой стороны въ Іо. 18.2 прямо говорится о мѣстѣ пребыванія Господа: «зналъ же это мѣсто и Іуда, предатель Его, потому что Иисусъ часто собирался съ учениками Своими». Безъ сомнѣнія, предатель за время своего хожденія съ Иисусомъ могъ знать всѣ обычныя мѣста Его пребыванія, а, съ другой стороны, Господь избирая обычное мѣсто для этой ночи, вовсе и не желалъ скрыватья.

съ двѣнадцатую допускается на Тайную Вечерю: гдѣ устанавливается великое таинство Тѣла и Крови. Здѣсь впервые совершается самимъ Архіереемъ по чину Мельхиседекову первое христіанское таинство, чрезъ которое сами апостолы вступаютъ въ новозавѣтную церковь, въ Тѣло Христово, и, пріемля въ одномъ этомъ таинствѣ силу всѣхъ таинствъ, утверждаютъ и въ своемъ апостольствѣ. Въ числѣ апостоловъ былъ и Иуда, и онъ былъ званъ и допущенъ до святой трапезы: къ какому бы моменту Тайной вечера мы ни относили причащеніе Иуды¹⁾, во всякомъ случаѣ въ Евангеліяхъ не говорится, чтобы онъ, присутствуя на вечери, былъ отстраненъ отъ причащенія. Господь отнесся къ нему, какъ къ равноапостолу, таинственно соединивъ его съ Собою чрезъ причащеніе. Этимъ выражается самое существенное и таинственное въ отношеніи Господа къ Иудѣ. Это не отверженіе и не разрывъ, подобный тому грозному приговору, который еще такъ недавно прозвучалъ надъ вождями еврейскаго народа и всѣми идущими за ними, но сострадательная любовь, соединенная со скорбью и попеченіемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ Господь прямо говоритъ о

1) Участвовалъ ли Иуда въ божественной евхаристіи? Первые три евангелиста, повѣствуя о тайной вечери и о причащеніи учениковъ, ничего не говорятъ объ удаленіи съ вечери Иуды, о чемъ говоритъ лишь св. Іоаннъ (13.30), но на основаніи этого свѣдѣніе нельзя сдѣлать никакого заключенія, потому что у Іоанна вообще ничего не говорится объ Евхаристіи. Нѣкоторые (проф. Н. Н. Глубоковскій) считаютъ евхаристическимъ кусокъ хлѣба, данный ему Христомъ предъ его выходомъ (Іо. 13.26). Въ древнемъ преданіи голоса раздѣляются: одни (Златоустъ, Августинъ и древнехристіанская, какъ и древнерусская иконографія) высказываются утвердительно. «Вѣдь и Иуда присутствовалъ и участвовалъ въ священной трапезѣ. Какъ ноги его вмѣстѣ съ прочими учениками омылъ Христосъ, такъ и въ священной трапезѣ онъ участвовалъ». (О предательствѣ Иуды. I Творенія св. Іоанна Златоуста, т. 2. 416). Другіе высказываются отрицательно (Татіанъ, преп. Ефремъ Сиринъ и Афраатъ, Апост. постановленія, Аммоній, Гиларій), св. Кириллъ Александрійскій въ разныхъ мѣстахъ высказывается и за, и противъ. Ср. вообще Муретовъ, ц. соч. (Б. В. 1906, 1). Здѣсь же описаніе іудейскаго празднованія пасхи и на основаніи этого опытъ реконструкціи хода Тайной вечера.

предательствѣ, тѣмъ самымъ какъ бы подчеркивая для него самого и для всѣхъ Свое къ нему отношеніе Заслуживаетъ вниманія, что если у Іоанна въ силу особенностей этого Евангелія, подчеркивается съ самаго начала, что Господь вѣдаетъ предательство Іуды и отличаетъ его отъ другихъ, то у всѣхъ трехъ синоптиковъ на протяженіи всего евангельскаго разсказа Іуда ничѣмъ не выдѣляется изъ другихъ учениковъ и только теперь, за Тайной Вечерію, Господь указываетъ въ немъ Своего предателя. На этой прощальной вечери передъ Своимъ страданіемъ, которое явится непосильнымъ испытаніемъ для учениковъ, Господь предваряетъ ихъ объ этой ихъ немощи и о духовныхъ пораженіяхъ, ихъ ждущихъ. Ко всѣмъ ученикамъ говоритъ Онъ: «всѣ вы соблазнитесь обо Мнѣ въ эту ночь» (Мѡ. 26. 31, Мр. 14. 27), а въ отвѣтъ на прекословіе ап. Петра говоритъ ему, что въ эту ночь трижды онъ отречется отъ Него (Мѡ. 26. 34, Мр. 14. 30, Лк. 22. 34), причемъ невѣдѣніе ап. Петра простерлась такъ далеко, что и на эти слова Господа онъ отвѣчаетъ завѣреніемъ: «хотя бы надлежало мнѣ умереть съ Тобою, не отрекусь отъ Тебя. Подобное говорили и всѣ ученики» (Мѡ. 26. 35. ср. Мр. 14. 31). Въ ряду этихъ скорбныхъ словъ о человѣческой немощи было сказано и о предательствѣ Іуды, и развѣ могло быть объ этомъ не сказано, могло быть дано предательству тѣшить себя еще своей сокровенностью? Своимъ словомъ Господь обнажаетъ язву Іуды предъ его совѣстью, подавая тѣмъ ему руку помощи въ душевной борьбѣ. Согласно синоптикамъ, свидѣтельство Господа о предательствѣ было единократнымъ, во время вечери¹⁾.

1) У Мѡ. и Мр. разсказъ этотъ предшествуетъ установленію таинства Тѣла и Крови и имѣетъ мѣсто еще во время пасхальной вечери, «когда они возлегли и ѣли» (Мѡ. 26. 20-28, Мр. 14. 18-24). Н: проливъ, у ев. Луки (22. 19-23) это приходится послѣ тайной вечери и причащенія апостоловъ. Въмѣстѣ съ проф. Муретовымъ

Іоаннъ къ этому прибавляетъ еще два: въ началѣ вечери и въ концѣ ея. Первый разъ, при умовеніи ногъ ученикамъ, Господь говоритъ Петру: «и вы чисты, но не всѣ», и тутъ же евангелистъ прибавляетъ: «ибо зналъ Онъ предателя Своего, потому и сказалъ: не всѣ вы чисты» (Іо. 13. 10-11). Въ такомъ видѣ это указаніе не было принято учениками, оно залегло лишь въ душѣ Іоанна, для котораго позднѣе раскрылось это предвѣдѣніе, и, конечно, въ совѣсти Іуды, на тотъ часъ, когда постигнетъ его раскаяніе. Господь называетъ его нечистымъ. Это указываетъ, что Іуда вступилъ на путь не заблужденія только, но и грѣха, сатана осквернилъ его своимъ приближеніемъ. Въ Іудѣ поднялись низшія чувства, и онъ загрязнилъ себя принятіемъ денегъ. Главное и центральное свидѣтельство о предательствѣ, рассказанное у синоптиковъ и у Іоанна, имѣло мѣсто въ срединѣ вечери. У Іоанна оно рассказывается въ болѣе широкомъ контекстѣ, въ связи съ рѣчью о значеніи омовенія ногъ, которая кончается словами: «не о всѣхъ васъ говорю: Я знаю, которыхъ Я избралъ. Но да сбудетъ писаніе: «ядущій со Мною хлѣбъ поднялъ на Меня пяду свою» (Пс. 40. 10). Теперь сказываю вамъ, прежде нежели (то) сбылось, дабы, когда сбудетъ, вы повѣрили, что это Я» (10.13.18-19). Послѣ этого богословскаго и библейскаго разъясненія также въ стилѣ 4-го евангелиста говорится: «сказавъ это, Іисусъ возмутился духомъ и засвидѣтельствовалъ и сказалъ: истинно, истинно говорю вамъ, одинъ изъ васъ предастъ Меня» (13. 21). Согласно синоптикамъ, послѣ этихъ словъ (къ которымъ еще прибавлено «опустившій со Мною руку въ блюдо, тотъ предастъ

(С. с. 258) мы считаемъ, что «болѣе точное хронологическое расположеніе событій вечери даетъ Лк., излагающій это указаніе Господа на предателя послѣ евхаристической чаши». Иначе остается трудно объяснимымъ пребываніе Іуды во время Тайной вечери, между тѣмъ, какъ синоптики ничего не говорятъ объ его удаленіи.

Меня» Мѡ. 26. 28, Мр. 14. 20 «ядущій со Мною» Мр. 14. 18 «рука предающаго Меня за столомъ» Лк. 22. 21) апостолы «весьма опечалились и начали говорить Ему каждый изъ нихъ: не я-ли, Господи?» (Мѡ. 26. 22. Мр. 14. 19. Лк. 22. 23). Мысль о предательствѣ въ собственной средѣ была такъ далека отъ нихъ, что вызывала въ нихъ смущеніе и растерянность. Они спрашивали себя и Его, не совершили ли они, сами того не вѣдая, предательства. Не спрашиваемъ ли себя о томъ же иногда и мы? Что могъ испытывать Іуда, слыша эти слова? Стыдъ, смущеніе, страхъ, растерянность, или уже первое приступы раскаянія? Молчать-ли, выдавая себя этимъ молчаніемъ, или дерзко спрашивать со всѣми? Онъ хочетъ удостовѣриться, дѣйствительно ли о немъ говорить. Учитель и его тайна раскрыта. А, можетъ быть, онъ при этомъ и не считаетъ себя предателемъ, но истиннымъ другомъ. Во всякомъ случаѣ, и онъ спрашиваетъ: «не я ли Равви?» Иисусъ говоритъ ему: «ты сказалъ» (т. е. да, ты) (26,26). Онъ видитъ, что ему не удалось утаить отъ Учителя свой умыселъ. Это «ты сказалъ» будетъ горѣть въ его памяти и жечь его совѣсть, когда предательство совершится, но уже теперь онъ начинаетъ чувствовать себя словно пойманнымъ звѣремъ, мечущимся во всѣ стороны. И слышитъ онъ слова Христовы: «впрочемъ Сынъ Человѣческой идетъ, какъ писано о Немъ» («по предназначенію» Лк. 22. 22), но «горе тому человѣку, которымъ Сынъ Человѣческой предается: хорошо было бы этому человѣку не родиться» (Мѡ. 26. 24 Мр. 14. 21, Лк. 22. 22). Въ этихъ словахъ выражены двѣ мысли. Первая — о «предназначенію», — по «писанію», о чемъ научалъ Господь Своихъ учениковъ, начиная съ Кесаріи Филипповой; оно предопредѣляетъ крестный путь Его, и Іуда не есть виновникъ Его крестной смерти. Господь снимаетъ тѣмъ самымъ съ Іуды

эту вину, — онъ предатель, но не убійца. Вмѣстѣ съ тѣмъ Господь ужасается и скорбитъ надъ судьбой Іуды, которому суждено такое страданіе. «Хорошо было бы *καλὸν ἦν*) этому человѣку не родиться». Конечно, это не можетъ означать раскаянія Творца и Господа въ томъ, что Іуда былъ созданъ и родился на свѣтъ. Выраженіе это есть просто «весьма употребительное въ іудейской литературѣ изреченіе: хорошо или лучше чтобы не родился, не приходилъ въ міръ»¹⁾). Такимъ образомъ, слова Господа содержать не столько осужденіе, сколько печаль о немъ, состраданіе къ той величайшей скорби, которая ляжетъ на душу предателя. Но и состраданіе не можетъ отворотить праведнаго суда, который содержится въ самомъ дѣяніи. Однако, Господь не дѣлаетъ никакого движенія, чтобы остановить предателя или противодействовать ему. Онъ пребываетъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, остается любящимъ и скорбящимъ о падшемъ апостолѣ, но не извергаетъ его самъ. Весь этотъ образъ любящаго Учителя встаетъ въ душѣ Іуды, когда онъ предастъ Его. Господь теперь протягиваетъ ему спасительную руку помощи, чтобы тогда, когда придетъ часъ покаянія, пелена спала съ глазъ его. Но онъ еще не пришелъ. Теперь Іуда слышитъ не вполне понятныя рѣчи о преломляемомъ тѣлѣ и изливаемой крови Его, о послѣдней пасхѣ предъ страданіемъ. Все это лишь подтверждаетъ прежнее принятіе ошибочнаго пути, съ котораго онъ, Іуда, рѣшилъ Его свести цѣною собственной души, цѣною судьбы человѣка, которому лучше не родиться. Буря въ душѣ его усиливается до нестерпимости; ему хочется быть здѣсь, около Него, и хочется бѣжать отсюда. И вотъ онъ видитъ какое-то движеніе среди возлежащихъ. Петръ дѣлаетъ знакъ Іоанну, который возлежитъ

1) Муретовъ, С. с. 256. примѣры этого выраженія въ примѣчаніяхъ.

у груди Иисуса, — тамъ, гдѣ ему, Іудѣ, хотѣлось бы возлежать, тотъ склоняется къ Учителю, и что-то говорить съ Нимъ. Не о немъ-ли? сверкнула въ Іудѣ ревнивая мысль. Но вотъ Учитель обмахнувъ подаетъ ему кусокъ хлѣба. Сердце его радостно рванулось на встрѣчу этой послѣдней ласкѣ, но въ это мгновеніе глазами онъ встрѣтился съ Іоанномъ, и понялъ, что означаетъ этотъ кусокъ: для одного это знакъ исключительной дружбы, о которомъ тотъ будетъ радостно помнить всю свою жизнь и уже старцемъ будетъ говорить о себѣ: это «ученикъ, котораго любилъ Иисусъ и который на вечери, преклонившись къ груди Его, сказалъ: Господи, кто предастъ Тебя» (Іо. 21. 20), а для другого состраданіе, послѣдняя, печальная ласка. Въ сердцѣ его вновь вспыхнула ревность. Онъ не хочетъ состраданія, но до конца пойдетъ своимъ путемъ, и тогда станетъ видно, кто болѣе достоинъ Его любви. «И послѣ сего куска вошелъ въ него сатана». Борьба, которая все время еще шла въ душѣ Іуды, смѣнилась холодной рѣшимостью, и сатана, который, по свидѣтельству Евангелія Лк., стоялъ около него со времени соглашенія съ первосвященниками, одержалъ побѣду надъ его душой. Ему уже нѣтъ мѣста среди двѣнадцати и невыносимо стало пребываніе около Учителя, ему нужно удалиться. И словно въ отвѣтъ на эти мысли онъ услышалъ голосъ Учителя: «что дѣлаешь, дѣлай скорѣе». Но никто изъ возлежащихъ не понялъ, къ чему Онъ это сказалъ ему. А какъ у Іуды былъ ящикъ, то нѣкоторые думали, что Иисусъ говоритъ ему: «купи, что намъ нужно къ празднику» или чтобы далъ что-нибудь нищимъ. «Онъ, принявъ кусокъ, тотчасъ вышелъ, и была ночь» (Іо. 13. 27-28).

Что дѣлаешь, то дѣлай скорѣе.
Что означаютъ слова Господа, оставшіяся непо-

нятыми ученикамъ? Въ омраченной душѣ Іуды, которая открылась уже обманнымъ вдохновеніемъ діавола, не получили-ли они того значенія, что Господь, вѣдая его рѣшеніе, принимаетъ его планъ вступаетъ съ нимъ въ особое довѣрительное соглашеніе, самъ уполномочиваетъ его на дѣйствіе? Значить, это онъ и есть избранный ученикъ, къ которому у Него есть особое довѣріе и близость? И не это ли вдохнуло въ него рѣшимость, иначе граничащую съ наглостью и безстыдствомъ, дружескимъ лобзаніемъ предать Учителя? Развѣ онъ не былъ увѣренъ, что это есть только начало Его прославленія и явленія міру? И лишь позже, въ часъ раскаянія, прозрѣлъ Іуда діавольское навожденіе.

Слова Господа въ отношеніи къ Его собственному пути указываютъ, прежде всего, ту предустановленность этого пути о которой Онъ говорилъ. Іудѣ, дѣйствительно, дано было явиться орудіемъ Его прославленія, — не такъ, какъ онъ самъ это понималъ, но такъ, что, благодаря его предательству, Христосъ былъ распятъ въ день Пасхи, какъ новозавѣтная Пасха, агнецъ Божій, взявляй грѣхи міра, между тѣмъ какъ, безъ помощи Іуды, первосвященники, хотя и рѣшили взять Іисуса хитростью и убить, но «только не въ праздникъ, чтобы не сдѣлалось возмущеніе въ народѣ» (Мѡ. 26 5). Здѣсь побѣда Добра и посрамленіе діавола, который приготовилъ собственное свое упраздненіе. Іуда послужилъ исполненію временъ и сроковъ въ дѣлѣ нашего спасенія. И, сверхъ того, посылая Іуду на дѣло его, развѣ не исполнялъ Спаситель и Своего собственнаго жертвеннаго самоотданія: «крещеніемъ долженъ Я креститься, и какъ Я томлюсь, пока сіе совершится» (Лк. 12. 50)? Но въ отношеніи къ Іудѣ не означаютъ ли слова эти «падающаго толкни», чтобы упалъ? Богъ ожесточаетъ сердце и ослѣп-

ляетъ очи (Ис. 6. 9-10, 10. 12. 38-41, Рим. 9. 17-18), чтобы не видѣть и не слышать, но идти путемъ погибели, и есть особый путь и логика погибели, какъ и спасенія. И не есть ли это слово отверженія Божія уже судъ Божій? Или же, наоборотъ, надо пройти путь искушенія до конца, чтобы отъ него освободиться, изживъ его, изъ себя извергнуть сатану, вошедшаго въ него? Иначе оно, задерживаясь, разрушаетъ человѣка, и падающему упасть есть единственный путь спасенія, чтобы возстать. Какое изъ двухъ толкованій примѣнимо къ Іудѣ? Въ нашихъ глазахъ, только второе, ибо неумѣстно первое въ устахъ Того, Кто принялъ Своего апостола на Тайную вечерю, «возлюбивъ Своихъ сущихъ въ мѣрѣ, до конца возлюбилъ ихъ» (Іо. 13. 1). Господь послалъ Іуду на его скорбный путь, ради котораго лучше бы человѣку не родиться, чтобы направить его къ раскаянію.

Іуда вышелъ съ вечера въ ночь. Онъ оставилъ Того, кто есть Свѣтъ міру, и отдался во власть князя тьмы. Куда же ему оставалось уйти отъ Свѣта, какъ не въ ночь, обступившую его душу? И когда онъ вышелъ въ ночь, началась вечеря любви, и полилась прощальная рѣчь, слаще которой не было и не можетъ быть сказано на человѣческомъ языкѣ.

«Когда онъ вышелъ, Іисусъ сказалъ: нынѣ прославился Сынъ Человѣческой, и Богъ прославился въ Немъ». (Іо., 13. 31). Іуда не услышалъ обѣтованій этой рѣчи, ибо онъ вышелъ во тьму души своей и къ сынамъ тьмы. «Бѣ же ночь».

ЛОБЗАНИЕ ІУДИНО И КОНЕЦЪ ПРЕДАТЕЛЯ

Предатель отправился къ первосвященникамъ, чтобы устроить взятіе Учителя. Онъ былъ схваченъ судорогой воли довести до конца свое рѣшеніе.

Лучше не смотрѣть на новыхъ сообщниковъ, каковы они, эти законные вожди народа, дѣло должно быть доведено до конца, а тамъ станетъ ясно, что сдѣлалъ Иуда, какова его любовь и его жертва. Да, конечно, предательство не можетъ быть сдѣлано красивымъ, *ἔργον καλόν*, не мѣромъ драгоценнымъ оно помазываетъ Любимаго, оно даетъ Ему . . . лобзаніе Иудино. На всѣ времена, на вѣки вѣчные ляжетъ на него это клеймо, подобное знаменію Каина, которое положилъ Богъ (Быт. 4. 15): онъ измѣнническимъ лобзаніемъ ради 30 сребрениковъ предалъ врагамъ Учителя. Матери будутъ рассказывать объ этомъ дѣтямъ, и дѣтскія сердца будутъ холодѣть предъ этимъ страшнымъ именемъ — Иуды предателя. Его именемъ будутъ клеймиться всякое предательство и низкая измѣна. Но пусть они увидятъ не только дѣло Иуды, но поймутъ и его любовь, возлюбившую больше себя самого. Только она даетъ силу превзойти себя, растоптавъ все, что было дорого и свято, и опозорить себя во имя любви и Любимаго. Надо только не думать, идти, не теряя времени. И «вотъ Иуда, одинъ изъ двѣнадцати, пришелъ и съ нимъ множество народа съ мечами и съ кольями отъ первосвященниковъ и старѣйшинъ народныхъ. Предъющій же Его далъ имъ знакъ, сказавъ: Кого я поцѣлую, Тотъ и есть, возьмите Его. И тотчасъ подошелъ къ Иисусу, сказавъ: радуйся, Равви. И поцѣловалъ *κατεφίλησεν* Его». (Мѡ. 26. 47-49). (Въ общемъ съ Мѡ. сходится и рассказъ Лк. 22. 47 и Мр. 14. 43-44, съ прибавленіемъ у Мр.:» «возьмите Его и ведите о с т о р о ж н о » 1) *ἀσφαλῶς*). Без-

1) Это слово можетъ получить различное значеніе въ зависимости отъ того, къ чему отнесено: 1) о с т о р о ж н о можетъ значить: бережно, почтительно, не причиняя вреда и насилія, хотя такой смыслъ можетъ казаться страннымъ въ примѣненіи къ злымъ врагамъ и грубымъ воинамъ; 2) о с т о р о ж н о можетъ значить; внимательно, крѣпко, съ молчаливымъ намекомъ на всю трудность Его удержать и, можетъ быть, заранѣе торжествующую иронию этой попытки сдѣлать это внѣшней силой.

полезно умалять или смягчать общечеловѣческой ужасъ, скорбь и отвращеніе къ лобзанію Іуды, которымъ онъ не только предаетъ Учителя, но и ранить Его сердце больнѣе, нежели всѣ другія раны, нанесенныя этому сердцу учениками, «оставивъ Его бѣжавшими» (Мѡ. 26. 56), какъ и трижды отречшимся отъ Него. Однако, надо отдать себѣ въ пемь и точнѣйшій отчетъ. Лобзаніе съ привѣтствіемъ: радуйся (соотвѣтствующимъ нашему: здравствуй) было обычнымъ привѣтствіемъ между друзьями. Оно даже не имѣло въ себѣ нарочитой ласковости, которой такъ противорѣчила бы низость предательства, и условіе съ воинами заключалось просто въ томъ, что они должны взять того, съ кѣмъ Іуда поздоровадается¹⁾. Лобзаніе Іуды Христу съ его нестерпимою мукой есть мгновеніе съ глубиной вѣчности: Христосъ смотритъ въ душу предающаго Его ученика, и ученикъ въ этомъ взорѣ читаетъ судьбу и приговоръ, судъ Любви Божественной надъ ограниченностью любви человеческой. Что же рекла Божественная Любовь? Какъ и на Тайной вечери, это было слово не суда, но скорбящей, пекущейся любви, которая хочетъ спасти гибнущаго. «Иисусъ же сказалъ ему: другъ, *ἑταῖρος*, для чего ты пришелъ?» (Мѡ. 26. 50). И еще: «Іуда, цѣлованіемъ предаешь-ли Сына Человѣческаго?» (Лк. 22. 48). Господь называетъ Іуду *д р у г о м ъ*. 2) Онъ не отлучаетъ Его отъ

1) Къ этому можно присоединить еще и другое предположеніе. Оно остроумно и убѣдительно развивается митр. Антоніемъ въ его небольшомъ очеркѣ «Цѣлованіе Іуды». По закону Моисееву, въ случаѣ обвиненія въ религіозномъ преступленіи, угрожающемъ смертью, «рука свидѣтелей должна быть на немъ прежде (всѣхъ), чтобы убить его, потомъ рука всего народа» (Втор. 17. 7) Іуда, выступая въ качествѣ такого свидѣтеля, долженъ былъ исполнить этотъ законъ, ибо безъ этого Іисусъ не могъ быть взятъ, но онъ его исполнилъ, — конечно, коварно, — въ видѣ дружескаго привѣтствія.

2) *ἑταῖρος* есть, конечно, иное чѣмъ *φίλος* (личный другъ, возлюбленный) и обозначаетъ скорѣе: членъ одного содружества (*гетеріи*), общины, собратья, ссдружникъ.

Своей дружбы, и слѣдовательно, не лишаетъ его даже апостольства, но лишь кротко взываетъ къ нему: *ἑταῖρε*, что съ тобою? что ты дѣлаешь? Одумайся, покайся! Вотъ прямой и единственный смыслъ первыхъ словъ Господа. Господь не судить предателя, хотя Онъ могъ находить слова безпощаднаго суда на книжниковъ и фариисевъ. Въ словахъ этихъ выражается Его отношеніе къ душевному состоянію Іуды, который въ очахъ Господа не есть только низкій безсовѣстный корыстолюбецъ и предатель, но остается и заблудшимъ другомъ, падшимъ апостоломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ словомъ Своимъ Господь указываетъ Іудѣ, что Онъ постигаетъ смыслъ его лобзанія, Онъ не хочетъ оставить ученику возможность думать, что это лобзаніе является для Него непонятнымъ. Еще болѣе явно это выражено въ томъ словѣ Господа, гдѣ Онъ прямо говоритъ о преданіи чрезъ цѣлованіе. Однако, эта мысль соединена здѣсь еще съ другою, въ которой Онъ непосредственно указываетъ на искушеніе Іуды: Господь называетъ Себя **Сыномъ Человѣческимъ**, что есть взятое изъ пророчества Даніила (7. 13) именованіе Мессіи, общепринятое на языкѣ апокалиптиковъ этой эпохи. Еще большее значеніе это выраженіе приобрѣтаетъ въ общемъ евангельскомъ контекстѣ. Господь въ ту же ночь торжественно свидѣтельствуешь о Себѣ въ отвѣтъ на вопросъ первосвященника: «ты ли Христось?» — «Отнынѣ Сынъ Человѣческій возсядетъ одесную славы Божіей» (Лк. 22. 67. 69; Мѡ. 26. 63-64; Мр. 14. 61-62, гдѣ вслѣдствіе краткости особенно выразительно: вопросъ первосвященника: «Ты ли Христось, Сынъ Благословеннаго? Іисусъ сказалъ: Я; и вы узрите Сына Человѣческаго сидящаго одесную силы и грядущаго на облакахъ»)1). Іуда могъ слышать и эти

1) Ср. торжественное именованіе Сыномъ Человѣческимъ въ рѣчи о Страшномъ Судѣ: «когда же придетъ Сынъ Человѣческій

слова, находясь во дворѣ первосвященника, и въ такомъ случаѣ, конечно, не могъ не связать ихъ съ сказаннымъ ему. Происходитъ нѣкоторый молчаливый и таинственный разговоръ съ Іудой объ его искушеніи. Христось прямо отвѣчаетъ на мысли Іуды о цѣли его предательства, спрашивая его: думаешь ли ты цѣлованіемъ предать Мессію, съ тѣмъ, чтобы Онъ, явилъ себя міру, согласно твоему желанію! Смотри же, что будетъ! Какъ будто словами этими Христось указываетъ затаенную цѣль предательства Іуды, еще разъ оставляя его въ недоумѣніи: дѣлай, что дѣлаешь, до тѣхъ поръ, пока не откроются глаза твои, и самъ не увидишь всей ложности принятаго пути.

Этимъ и исчерпываются отношенія Господа къ Іудѣ по Евангеліямъ. На основаніи его приходится заключить, что Іуда, несмотря на свое предательство, не былъ отвергнутъ Господомъ и лишенъ апостольства, подобно тому, какъ не были отвергнуты Имъ всѣ апостолы, оставивъ Его, бѣжавшіе (Мѡ. 26. 56), какъ и Петръ, отрекшійся отъ Него. Всѣ апостолы, которыхъ сатана «присиль сѣять, какъ пшеницу» (Лк. 22. 31) имѣли въ эту ночь свои искушенія, каждый по своему характеру, одни подвергались имъ отъ страха и немощи, Іуда же активно, отъ ложно направленной воли.

Разсказъ Евангелія отъ Іоанна о предательствѣ Іуды (18. 1-9) отличается отъ синоптическихъ: въ немъ отсутствуетъ и лобзаніе Іуды, и слова Господа къ нему, но самому взятію придается мессіанскій характеръ, — самосвидѣтельства Господа: «Иисусъ же, зная все, что съ Нимъ будетъ, вышелъ и сказалъ имъ: («спирѣ») кого

во славу Своей, и всѣ святые ангелы съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ славы Своей, и соберутся предъ Нимъ всѣ народы . . . и тогда скажетъ Царь» и т. д. (Мѡ. 25: 31-34).

ищите? Ему отвѣчали: Иисуса Назорея. Иисусъ говоритъ имъ: это Я. Стоялъ же съ ними и Иуда, предатель Его. И когда Онъ сказалъ: «это Я», они отступили назадъ и пали на землю» (18, 4-5). Этотъ же вопросъ повторился и еще разъ. Иудѣ могло на мгновеніе показаться, что цѣль его предательства уже достигается, Иисусъ начинаетъ являть Себя Мессіей предъ лицомъ враговъ Своихъ. Однако, Онъ все же далъ взять Себя и отвести къ первосвященнику.

Разсказъ сбѣ Иудѣ у трехъ евангелистовъ (Мр. Лк. Іо.) кончается предательствомъ, и они далѣе совершенно не касаются его судьбы. Исключеніе составляетъ только Мѡ., у котораго мы и находимъ разсказъ о концѣ Иуды. Однако, предательство отъ этого конца отдѣляется ночью, страшною ночью суда у первосвященниковъ, на которомъ Христосъ былъ признанъ повиннымъ смерти. Иуда присутвовалъ при всемъ этомъ. У Мѡ. 27. 3 лаконически выражено: «когда настало утро», «тогда Иуда, увидѣлъ *тѣтє ѡдѡν*, что Онъ осужденъ». Этимъ явно предполагается, что Иуда слѣдилъ за ходомъ суда и былъ освѣдомленъ объ его исходѣ. Конечно, онъ имѣлъ большую возможность присутствовать на судѣ, чѣмъ другіе ученики, потому что оказался здѣсь своимъ человѣкомъ благодаря предательству, и не имѣлъ надобности скрываться. Что же онъ видѣлъ и слышалъ, и какъ должно было отлагаться въ сердцѣ его это видѣнное и слышанное.?

Если Иуда хотѣлъ видѣть мессіанское чудо, которое бы покорило Христу всѣхъ, то вмѣсто этого онъ увидѣлъ иное чудо, — уже послѣднее. Оно было направлено на исцѣленіе уха раба первосвященника, которое отсѣчено было Петромъ (Лк. 22. 51), и къ этому Онъ еще прибавилъ, обращаясь къ Петру: «или думаешь, что Я не могу умолить Отца Моего, и Онъ предоставитъ

Мнѣ болѣе нежели двѣнадцать легионовъ ангеловъ? какъ же сбудутся писанія, что такъ должно быть» (Мѡ. 26. 52-4). «неужели Мнѣ не пить чаши, которую далъ Мнѣ Отець?» (Іо. 18. 11). Іуда видѣлъ, что Іисусъ сохраняетъ Свою чудотворящую силу, и однако Онъ совсѣмъ не примѣняетъ ея для Своей защиты, напротивъ, Онъ стоитъ предъ Своими судьями беззащитенъ и «умаленъ предъ людьми» (Ис. 53. 3). Можетъ призвать легионъ ангеловъ въ Свою защиту и не призываетъ, во исполненіе Писанія, на основаніи котораго іудеи — и вмѣстѣ съ ними и Іуда — ожидали совсѣмъ другого Мессію! То непонятное и противорѣчивое, что мучило Іуду въ теченіе его апостольства, и теперь привело къ предательству, оно теперь утверждается окончательно уже предъ лицомъ смерти. Такъ неужели Іуда чего-то не понялъ и въ чемъ-то ошибся? Іисусъ былъ поведенъ къ Аннѣ (Іо. 18. 13), а затѣмъ къ Каіафѣ на судъ синедріона. Судъ этотъ представлялъ собой вопіющее нарушеніе всѣхъ дѣйствующихъ законовъ¹⁾ и весь былъ направленъ къ тому, чтобы вынести смертнйй приговоръ въ кратчайшее время, съ возможностью привести его въ исполненіе въ первый день Пасхи. При этомъ Господь подвергался оскорбленіямъ и біеніямъ со стороны архіерейскихъ слугъ и оклеветанію отъ лжесвидѣтелей. Но Онъ не противился имъ и не уклонялся отъ нихъ, какъ Онъ это дѣлалъ раньше, напротивъ, безропотно шелъ на встрѣчу смертному приговору. Рѣшающимъ моментомъ въ судѣ былъ тотъ, когда «первосвященникъ сказалъ Ему: заклинаю Тебя Богомъ Живымъ, скажи намъ, Ты-ли Христось, Сынъ Божій? Іисусъ говоритъ ему: ты сказалъ; даже сказываю вамъ: отнынѣ узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную силы и грядущаго

1) Исчерпывающая характеристика этого незаконнаго суда дана у проф. Муретова

на облакахъ небесныхъ. Тогда первосвященникъ разодрала ризы свои и сказала: Онъ богохульствуетъ . . . Они же сказали въ отвѣтъ: повинень смерти» (Мѡ. 26. 63-66). Конечно, вся торжественность вопроса для Каіафы была только инсценировкой или западней для полученія нужнаго матеріала для обвиненія. Однако, при всей безчестности суда и кровожадности судей, нельзя не признать (вопреки Муратову), что здѣсь была обнаружена полная непримиримость между Христомъ и іудействомъ. Христось провозгласилъ Себя Мессіей и Сыномъ Божіимъ, — чѣмъ же могло это явиться для ветхозавѣтнаго архіерея, каковъ бы онъ ни былъ, кромѣ какъ величайшей хулой и кощунствомъ, которое по закону наказывается смертью? Здѣсь непреходимая граница Вѣтхаго Завѣта: или нужно вѣрить Христу, что Онъ — Сынъ Божій, и тогда конецъ Вѣтхому Завѣту, — или же Вѣтхій Завѣтъ непреложень, и тогда это есть богохульство. Развѣ не хотѣли Его побить камнями и раньше, когда Онъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ, свидѣтельствуя, что Онъ и Отець одно (Іо. 5. 16, 18; 7. 19-20; 7. 30; 8. 59; 10. 31-39)? Послѣ такого самосвидѣтельства, при всѣхъ процессуальныхъ нарушеніяхъ, смертный приговоръ становится неизбѣжнымъ: Вѣтхій, обветшавшій и уходящій изъ жизни Завѣтъ, возстаеъ противъ Новаго, и самъ себѣ этимъ произноситъ смертный приговоръ. Въ этомъ послѣднемъ мы имѣемъ не только злоупотребленіе властью, юридическое убійство, но и правомѣрную самооборону Вѣтхаго противъ Новаго: *summum ius summa iniuria*. Исповѣданіемъ Своего мессіанства предъ архіереями Вѣтхаго Завѣта Христось произносилъ Себѣ осужденіе на смерть, которое и не замедлило прійти со стороны торжествовавшихъ Его враговъ . . . «Всѣ первосвященники и старѣйшины народа имѣли совѣщаніе объ Исусѣ,

чтобы предать Его смерти: и связавши Его, отвели и предали Понтію Пилату, правителю» (Мѡ. 27. 1-2)¹⁾, потому что безъ утвержденія римской власти сами они не имѣли права вынести смертный приговоръ. Предъ игемономъ же они обвиняли Христа, конечно, уже не въ религіозномъ, но политическомъ преступленіи. — Чтобы быть понятными и убѣдительными для него, они воспользовались орудіемъ клеветы и политическаго доноса: «мы нашли, что Онъ развращаетъ народъ нашъ и запрещаетъ давать подать кесарю, называя Себя Христомъ Царемъ» (Лк. 23. 2), это и явилось формальнымъ предлогомъ для приговора. «И была надпись вины Его: Царь Іудейскій» (Мр. 15. 26).

«Тогда Іуда, предавшій Его, увидѣлъ, что Онъ осужденъ» (Мѡ. 27. 3). Что Іуда пережилъ за эту ночь и что открылось предъ нимъ? Не пытаемся передать мученія любви, которыя испытывалъ предатель, видя терзанія и поношенія, которымъ подвергался Учитель отъ сонмища іудейскаго. Но въ этихъ мученіяхъ раскрывалась для Іуды та истина, которая въ немъ затмилась, и разсѣивалось навожденіе сатанинское, жертвою котораго онъ сталъ. Іуда услышалъ изъ устъ Іисуса предъ лицомъ ветхозавѣтной церкви (хотя и представшей въ образѣ Анны и Каіафы), торжественное исповѣданіе, что Онъ есть Христось, Сынъ Бога Живаго. Это — то самое исповѣданіе, которое было произнесено ап. Петромъ отъ лица всѣхъ учениковъ, въ томъ числѣ и Іуды, и о которомъ Онъ сказалъ, что открылъ его Петру самъ Отецъ Небесный. И это исповѣданіе все время звучало вокругъ Него, изъ устъ бѣсноватыхъ, изъ устъ самарянини и Наѳанаила. Но оно порой такъ

1) У Лк. 22. 66-23, мы имѣемъ нѣсколько измѣненную послѣдовательность событій (исповѣданіе Христа происходитъ не ночью, но утромъ, въ самомъ совѣщаніи), отчего связь событій становится вышуклѣе.

мучительно затмевалось въ Иудѣ находящими сомнѣніями. Развѣ же не усумнились въ Немъ теперь и всѣ Его ученики? Но теперь уже не остается мѣста сомнѣнію: Онъ есть Христось, Сынъ Бога Живаго. Да, Онъ — Мессія, и однако не такой мессія, о которомъ, онъ, Іуда, имѣлъ свою идею, и ради нея пошелъ на предательство. Онъ не хочетъ совершать чудесъ для торжества надъ своими врагами, хотя и сохраняетъ Свою чудодѣйственную силу. Онъ не призываетъ легионовъ ангеловъ въ Свою защиту, но отдается безропотно въ руки враговъ, согласно древнему пророчеству о страждущемъ праведникѣ, невольно встающему въ сердцѣ при зрѣлищѣ страданій Его: «Онъ истязуемъ былъ, но страдалъ добровольно, и не открывалъ устъ Своихъ: какъ овца, веденъ былъ Онъ на закланіе и, какъ агнецъ предъ стрегущимъ Его, безгласенъ» (Ис. 53.7). И всѣ многократныя слова Его о предстоящемъ вольномъ страданіи во искупленіе многихъ, начиная отъ Кесаріи Филипповой до Тайной вечери, стали понятны въ своей истинѣ и дѣйствительности: «Сынъ Человѣческій идетъ, какъ писано о Немъ, но горе тому человѣку, которымъ Онъ предается» (Мѡ. 27. 24). Правъ ли былъ Іуда въ своей идеѣ мессіи-царя? И предъ лицомъ страждущаго Господа эта идея разсѣивается, какъ сатанинскій соблазнъ, какъ ослѣпленіе. Іуда уже не разумѣетъ умомъ происходящаго, не можетъ связать своихъ мыслей. Если Христось не являетъ Себя, какъ мессіанскій царь даже предъ лицомъ смертной опасности, предъ которой онъ, Іуда, намѣренно Его поставилъ, то кто же Онъ? безумецъ, иллюминатъ, и, однако, чудотворецъ? или же столь великое и святое, что доселе еще не вмѣщалось въ сознаніи Іуды, Кр о в ь Н е п о в и н н а я? Стало быть, онъ о ш и б с я, впалъ въ заблужденіе, которое привело къ предательству,

чернѣйшему изъ черныхъ преступленій, имя ему на всѣ вѣка есть «лобзаніе Іудино». Онъ предаль на истязаніе и смерть Учителя, котораго онъ не переставаль любить и въ самомъ предательствѣ. И теперь онъ видитъ Его среди мучителей и сознаеть, что это онъ, Іуда, тому виновникъ. Онъ теперь только начинаеть вспоминать всю любящую скорбь о немъ Іисуса на Тайной вечери, и всѣ слова Его, которыми Онъ тихо взываль къ его сердцу. Онъ постигаеть, что Іисусу было открыто сердце его, и мысли его, и намѣренія его, и тѣмъ не менѣе Учитель, не воспротивившись самъ, пошелъ навстрѣчу предательству. То мятежное своеволие, съ которымъ онъ хотѣлъ исправить путь Учителя, заставивъ Его исполнить его волю, теперь растаяло въ немъ, смѣнившись невыносимыми муками совѣсти, адомъ на землѣ. Та жгучая ревность, которая омрачала его любовь ко Іисусу и подвигла его на предательство, ощутилась черною тьмою въ его душѣ. Но въ ней не осталось уже ни своеволія, ни самолюбія. Іуда раскаялся — *μεταμελεθεὶς* (перемучился, переболѣлъ) (Мѡ. 27. 3)., лаконически говорить единственный свидѣтель — евангелистъ Мѡ. Но одно это слово содержитъ въ себѣ тайну конца Іуды. Въ чемъ раскаялся Іуда? Въ томъ-ли только, что продалъ Христа за 30 сребренниковъ, ради корысти? Но мелкіе предатели за деньги удаляются, получивъ свою мзду, ихъ роль кончается этимъ. Въ этомъ смыслѣ и Іудѣ естественнѣе было, казалось бы, уйти, сдѣлавъ свое черное дѣло, но не оставаться зрителемъ происходящаго, и единственное чувство, которое подсказывалось бы положеніемъ, это — сожалѣніе, что мало взялъ, продешевилъ. Но раскаяніе Іуды относилось к о всему его осатанѣнію, въ которомъ сребренники есть только внѣшняя и несущественная, хотя и яркая, подробность.

Вмѣстѣ съ раскаяніемъ въ Іудѣ пробудилось сознание ужаса всего, имъ содѣяннаго. Титанизмъ, истощивъ свой порывъ и обличивъ свое безсиліе, обратился на своего носителя; ревность, своеволие и деспотизмъ любви, которые были устремлены на Іисуса, теперь удушающей силой отяготѣли на немъ самомъ. Отсюда начинается духовная агонія Іуды. Она очень кратко описана у Мѡ. 27. 3-4: «тогда Іуда, предавшій Его, увидѣлъ, что Онъ осужденъ, и раскаявшись, возвратилъ тридцать сребренниковъ первосвященникамъ и старѣйшинамъ, говоря: согрѣшилъ я, предавъ кровь неповинную. Они же сказали: что намъ до того? смотри самъ. И бросивъ сребренники въ храмъ, онъ вышелъ».

Почему Іуда снова пошелъ къ первосвященникамъ и старѣйшинамъ, всю низость и жестокость которыхъ онъ увидѣлъ въ эту ночь? Хотѣлъ ли онъ освободиться отъ позора сребренниковъ, которые жгли его душу, свидѣтельствуя о темномъ ея поднольѣ, о низкомъ сребролюбіи, которое способно было приразиться къ его поступку? Но развѣ необходимо было возвращать сребренники именно имъ, а недостаточно было просто выбросить ихъ далеко отъ себя? Торжественное возвращеніе сребренниковъ, которое сопровождалось исповѣданіемъ: согрѣшилъ я, предавъ кровь неповинную — было отреченіемъ отъ своего предательства и осужденіемъ его предъ лицомъ церковной іерархіи, въ согласіи съ которой онъ совершилъ свое дѣло. Это было, вмѣстѣ съ тѣмъ, осужденіе и самой ветхозавѣтной церкви, которая не узнала своего часа, осудивъ на смерть Праведника, Кровь Неповинную. Это было уже запоздалое для Іуды, но апостольское по существу свидѣтельство объ Іисусѣ предъ церковью, однимъ словомъ, актъ не личный, но церковный. Вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ признаніемъ Іуда отдавалъ себя

въ руки враговъ Иисуса, какъ вѣрный Ему ученикъ, въ то же время, когда всѣ апостолы, оставивъ Его, бѣжали, и Петръ только что отрекся отъ Него (у ев. Мѡ. оба разсказа стоятъ непосредственно одинъ послѣ другого, напрашиваясь на сопоставленіе: 26. 69-75 и 27. 3-5). Можетъ быть, архіереи и книжники возьмутъ и его, хотя и недавняго своего сообщника, теперь сдѣлавшагося имъ ненужнымъ, и поставятъ и его на судъ вмѣстѣ съ Учителемъ, дадутъ и ему вкусить смерть вмѣстѣ съ Нимъ (о чемъ говорилъ тогда на вечери Петръ, только что отрекшійся отъ Него)? Предатель ищетъ смерти вмѣстѣ съ Преданнымъ имъ, онъ пытается теперь предать самого себя: не найдется ли и для него креста съ Нимъ, какъ для одного изъ разбойниковъ? Но архіереи остались глухи и холодны къ его словамъ, для нихъ не интересно было осложнять основной процессъ побочнымъ. Они вѣдь не тронули и другихъ Его учениковъ, причемъ сами того не вѣдая, творили волю Его («тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, Я сохранилъ, и никто изъ нихъ не погибъ, кромѣ сына погибели, да сбудется писаніе». Іо. 17. 12, 18. 9) И въ отвѣтъ на вопль своего сердца Іуда услышалъ холодное и презрительное: «что намъ до того, смотри самъ». Ему оставалось тогда только бросить свои сребренники въ храмъ εἰς τὸν ναόν, для него отнынѣ опустѣвшій, и уйти. На эти деньги куплена была земля для погребенія странниковъ¹⁾. Но ку-

1) Разсказъ у Мѡ. о покупкѣ на сребренники земли горшечника для погребенія странниковъ (Мѡ. 27. 6-10) сопровождается ссылкой на пророчество Іереміи 32. 9, которое соединено здѣсь съ Зах. 11. 12. (Эта ссылка представляетъ примѣръ неточности и вольности въ истолкованіи, которыя встрѣчаются иногда у новозавѣтныхъ писателей при пользованіи ихъ В. З.). Въ Д. Ап. 1. 16-20 мы имѣемъ въ рѣчи ап. Петра предъ избраніемъ двѣнадцатаго апостола, вмѣсто Іуды, стилизованный о отступающей отъ Мѡ. разсказъ объ его смерти. «Онъ былъ сопричисленъ къ намъ и получилъ жребій служенія сего, но приобрѣлъ землю неправедной мздой, и когда низринулъ, разсѣлось чрево его, выпали всѣ внутренности его. И это сдѣлалось извѣстно всѣмъ жителямъ Іерусалима. такъ что

да онъ пойдетъ, если ему теперь нѣтъ уже пути за Нимъ? и можетъ ли онъ стать свидѣтелемъ Его смерти, въ которой онъ самъ къ тому же повиненъ, можетъ ли онъ Его пережить, принять жизнь безъ Него, міръ опустѣвшій? Можетъ ли онъ спастись отъ палящаго огня совѣсти, въ которой неумолчно будетъ звучать: «иже и предаде Его» за тридцать сребренниковъ? Такому исчадію ада нѣтъ мѣста среди живущихъ. И не умеръ ли онъ ранѣе смерти, не была ли уже это начавшаяся смерть съ того проклятаго часа, когда онъ пришелъ къ нимъ съ предложеніемъ предать своего Учителя? Петръ могъ еще плакать послѣ своего отреченія: «изыде вонъ, плакася горько» (Мѡ. 26. 75), какъ и другіе оставившіе его ученики, «плачущіе и рыдающіе» (Мр. 16. 10). Они способны пережить и Его смерть, и имъ будетъ прощенье, потому что они совершили грѣхъ человѣческой немощи, безсилія любви. Они принесутъ покаяніе любви, и они будутъ спрошены снова въ лицѣ Петра: «Симоне Юнигъ, любиши ли Мя?» и отвѣтятъ они: «Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя», и они будутъ прощены. Но онъ согрѣшилъ противъ самой любви, не въ немощи, а въ ложной, черной мощи, въ которой сребролюбіе и зависть онъ не отличилъ отъ любви. Лобзаніе Іуды ядовитымъ жаломъ вошло въ его собственное сердце. Онъ самъ сознаетъ себя недостойнымъ прощенія, и самъ судитъ себя тѣмъ послѣднимъ судомъ, въ которомъ ему отказано было первосвященниками. Хотя въ этомъ

земля на отечественномъ ихъ нарѣчїи названа Акелдама, то есть, «цѣна крови». Очевидно, прїобрѣтеніе земли неправедной мздою, по сопоставленїи съ евангельскими рассказами, можно понимать только въ смыслѣ переносномъ, т. е. что тотъ именно участокъ, на которомъ повѣсился Іуда, и былъ купленъ для кладбища на сребренники (точнѣе, они вошли въ составъ этой суммы, конечно, превосходившей значительно 30 сребренниковъ). Далѣе въ рѣчи Петра сказано, что Іуда отпалъ отъ жребія его служенія и апостольства τὸν ὅπον τὰτ: апостольскаго служенія), чтобы итти въ мѣсто свое οὐδὸν ἐν » (1. 26) Это выраженіе въ «мѣсто свое» является осторожнымъ въ неопредѣленности своей.

онъ остается себѣ вѣренъ: онъ хотѣлъ взять силою то, что не дано было взять, искалъ предательствомъ понудить Мессію къ принятію царства; теперь онъ возьметъ то, чего ему также не дано, но чего онъ признаетъ себя заслуживающимъ. Онъ самъ себя приговариваетъ на смерть, если не на крестѣ, то на деревѣ, какъ преступника, недостойнаго жизни. Пусть они, не предававшіе Учителя, а только Ему измѣнившіе, остаются жить безъ Него, Іуда не разстанется съ Нимъ, хотя бы въ смерти. И если наутро Учитель взойдетъ на крестъ и въ исходѣ дня на немъ испуститъ духъ Свой, то онъ, Іуда, сойдетъ въ шеолъ еще раньше его¹⁾. Тамъ онъ будетъ ждать встрѣчи съ Нимъ и послѣдняго суда надъ собой, апостоломъ-предателемъ, не познавши мѣ Его любовію своею, но пронесшему ее черезъ врата ада. «И повергъ сребренники въ церкви, отыде и шедъ удавился» (Мѡ. 27. 5). Іуда

1) Обычное отношеніе толковниковъ къ самоубійству Іуды морализирующее. Вотъ примѣръ изъ «Благовѣстника» Теофилакта Болгарскаго, излагающаго прѣ этомъ и разныя преданія по поводу смерти Іуды. Часть 1. Ев. отъ Мѡ. 362: «Хотя Іуда надѣлъ себѣ на шею петлю и повѣсилъ на какомъ-то деревѣ, но дерево наклонилось, и онъ остался живъ, ибо Богъ хотѣлъ сохранить его или для покаянія, или въ притчу и поношеніе. И говорятъ, что онъ упалъ въ водяную болѣзнь и тѣло его такъ отекло, что тамъ, гдѣ свободно проходила колесница, онъ не могъ пройти, а впоследствии, упавши ницъ, разорвался или «просѣдъся» какъ говоритъ Лука въ Дѣянїи (Д. 1. 18)». Въ судьбѣ Іуды вообще мыслимы три возможности: первая, эта та, что онъ приобрѣлъ бы себѣ домъ и землю на свои сребренники (хотя ихъ и было для того слишкомъ мало) и остался бы благополучнымъ обывателемъ. Это соответствовало бы тому представленію о немъ, какъ о корыстолюбцѣ, которое является наиболѣе распространеннымъ. Вторая возможность въ томъ, что раскаявшійся Іуда остался бы жить и могъ бы получить прощеніе отъ Преданаго имъ, Который на крестѣ молился за своихъ мучителей, и простилъ Своимъ апостоламъ — за оставленіе Его и отреченіе. Почему думать, что милосердіе Господа помиловавшаго благоразумнаго разбойника, остановилось бы предъ предательствомъ Іуды? Однако, если это возможно для Господа, то стало уже невозможно для Іуды найти въ себѣ силы жизни для полученія этого прощенія, потому что Іуда самъ себя сжегъ. Онъ сдѣлался жертвой собственной трагедїи, которая имѣетъ свой неизбѣжный конецъ, а въ немъ и катарсисъ, ибо это не христіанское бореиіе, но еще ветхозавѣтно-античная, до-голгофская трагедїя. Для Іуды остался поэтому только третїй исходъ, какъ единственно возможный.

«отошелъ въ мѣсто свое», εἰς τὸν τόπον τοῦ Ἰδίου.
(Д. А. 1. 27).

Багряная звѣзда, стоявшая насупротивъ звѣзды Виѳлеемской, потемнѣвъ угасла. Встрѣтилъ ли Іуда Учителя въ шеолѣ? Озарилась ли его омрачѣнная душа свѣтомъ Христова воскресенія?

(Окончаніе слѣдуетъ)

Прот. С. Булгаковъ.